

DK262
.P4
Rare 6/1/10

Цѣна 10 коп.

17 Декабря 1905 г.

№ 1.

СВѢТЪ

Журналъ Литературно-
сатирическій, обоюдоострый и правдивый

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Выпуская первый номеръ нашего журнала, мы просимъ у читателей снисхожденія за промахи, присушіе началу каждаго дѣла.

Ред.

Щука и Ершъ.

(Побасенка).

Замѣтивъ подъ плотомъ
Ерша,
Къ нему тотчасъ
Изъ камыша
Зубастая юркнула Щука
И думаетъ: — «Вотъ штука,
Закуска-то вѣдь очень хороша!
Какъ жаль,
Что попросту нельзя къ Ершу пробраться:
Вѣдь онъ вертлявъ,
Колючъ притомъ...
Что дѣлать?
Какъ-нибудь да надо постараться
И взять Ерша не силой,
Такъ умомъ».
И вотъ,
Принявши видъ смиренный,
Она Ершу поклоны шлетъ
И рѣчь лукавую ведетъ:
— «Будь здоровъ,
Мой Ершикъ драгоценный!
Какъ рада видѣть я тебя!

Передъ выходомъ.

По счету нашъ юмористическій журналъ 87-й изъ всѣхъ народившихся за послѣдніе мѣсяцы; вслѣдъ за нами навѣрное народятся еще 187 и всѣ они при выходѣ въ свѣтъ будутъ говорить о томъ, что и что читатели найдутъ у нихъ.

Позвольте быть исключеніемъ и говорить про то, чего и чего не будетъ у насъ.

Во первыхъ, шаяя читателей, мы избѣгаемъ всякихъ площадныхъ, безшабашныхъ каррикатуръ даже на тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые явно провинились передъ отечествомъ.

Во вторыхъ, напрасно кто либо сталъ бы искать у насъ пасквильнаго остроумія, того остроумія, которое явно возмущаетъ каждаго порядочнаго человѣка, къ какой бы политической партіи онъ не принадлежалъ.

Въ третьихъ, долой всякую порнографію, притянутую за волосы къ политикѣ??

(СУ)

Ты знаешь, общество любя,
Я въ одиночествѣ отъ скуки
Терплю ужаснѣйшія муки;
Межъ тѣмъ судьбой осуждена
Повсюду вѣчно быть одна!..

Ахъ, Ершикъ мой!
Когда-бъ, узнавъ
Мою наивность,
Тихій нравъ,

Ты поспѣшилъ ко мнѣ въ объятія,
Съ тобою жили-бъ мы, какъ братья».

— «Ой, Щучка милая моя,
Хоть и пріятна рѣчь твоя, —
Ей отвѣтилъ Ершикъ смѣло, —
Но слушать мнѣ тебя не дѣло!

Къ чему,
Скажу я не въ укоръ,
Ведѣмъ

Мы праздный разговоръ?
Коль нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ безстыдства,
Въ поступкахъ злобы и ехидства,

Коль ты наивна
И проста,
Такъ обними меня
Съ хвоста!»

Сей басни мысль ясна:
Хоть Щука и сильна,
Да и мудра притомъ,
Но все-жъ, подчасъ, она
Не справится съ Ершомъ!

В. Б.—до.

Передъ выходомъ въ свѣтъ перваго номера звонки раздавались то у редакціонныхъ дверей, то у телефоннаго аппарата.

— Редакція «Сѣкиры»? — спрашиваютъ по телефону. — Скажите, у васъ выйдетъ только одинъ номеръ или журналъ будетъ выходить еженедѣльно?

— Еженедѣльно.

— Ручаетесь ли?

— Ручаться теперь ни за что нельзя, но мы приняли двѣ мѣры: бороться со зломъ только въ приличной формѣ сатиры и юмора и давать читателю только то, что дѣйствительно удовлетворяло бы его нравственно.

— Не мѣшало бы вамъ всетаки имѣть про всякій случай 10,000 наличныхъ.

— Мерси за совѣтъ.

На этомъ кончился нашъ разговоръ.

Черезъ три минуты опять звонокъ у аппарата.

— Редакція новаго журнала?

— Да.

— Почему журналу дано названіе «Сѣкиры»? — Сѣкира оружіе обоюдоострое.

НЕДАВНО ЭТО БЫЛО...

(воспоминанія городского).

— Ну, времячко настало!.. Просто, хоть зубы и шашку на полку клади: не жисть, а одна мерзость!..

И во всемъ виноваты гуманность и либерализмъ, будь они трижды прокляты и будь прокляты тотъ, кто это выдумалъ!

Вѣдь еще недавно катались мы, словно сыръ въ маслѣ, отъ одного слова «горрдовой» волосъ у обывателя дыбомъ вставалъ, а теперь что: при словѣ «горрдовой» плюются!

Теперь:

Лежитъ на улицѣ пьяненькій, безчувственный. Берешь это ты его при помощи дворника ласково-осторожно подъ руки, усаживаешь въ пролетку и везешь въ участокъ; тамъ, въ участкѣ, счасъ это кладезь его на коечку и оставляешь пропастись до полного протрезвленія, до слѣдующаго утра. На утро, удостоверяешь по телефону личность и — на всѣ четыре стороны!

А прежде:

Лежитъ на улицѣ пьяненькій, безчувственный. Первое дѣло — уши ему натирать, да натирать до тѣхъ поръ, пока у него уши впередъ не завертываются. Ежели это не помогаетъ, то за ноги и — волочи при помощи дворника до участка. А въ участкѣ первая задача удостовѣрить личность. Тогда для этого другой телефонъ былъ. Хорошій телефонъ!

— Безчувственный? — спрашиваетъ околодошный

— Безчувственный-съ.

— Ивдакіевъ!

Летитъ дежурный писарь.

— Что прикажете?

— Скипидару!

А скипидаръ въ то время въ участкахъ четвертими держался и не токмо что человѣка, а свинью смажь, такъ и та фамилію свою назоветъ... Безчувственный-то раза четыре перевернется съ живота на спину, со спины на животъ и отвѣтитъ:

— Не губите, я Сидоръ Морохинъ. Живу тамъ-то и тамъ-то...

— Что же изъ этого?

— А то, что мы далеки отъ узкой партійности; провинился ли сановный бюрократъ, провинился ли свержъ — либераль, — пожалуйста на сцену!

— Не притупилась бы ваша «Сѣкира» отъ такой работы?

— Она отачивается штабомъ художниковъ и писателей.

— Не оставьте своимъ вниманіемъ «черносо-тенцевъ».

— Напрасно просите: перемониться не будемъ.

Проходитъ еще пять минутъ и въ редакцію заявляется цѣлая толпа.

— Господа, что угодно?

— Ради Бога, послушайте!

— Къ вашимъ услугамъ.

— До сихъ поръ во всѣхъ журналахъ былъ громадный пробѣлъ: ни за что недопускали высказываться читателямъ до ихъ желаній освѣтить то или другое не было никакого дѣла. Разрѣшите намъ время отъ времени сообщать о грѣш-кахъ домовладѣльцевъ, купцовъ, гласныхъ, клуб-

Ну, извѣстно, сапоги и спинжакъ съ него до-лой, и ступай на всѣ четыре стороны.

Вотъ это былъ телефонъ!

А теперь что: какая-то перемонія!

Пріятно было старому городовому и «на жиды сидѣть».

Вы не знаете, что такое значило «на жиды сидѣть»? Это, видите-ли, обозначало дежурить на вокзалахъ, ожидая прихода пассажирскихъ поѣздовъ, чтобы задерживать пріѣхавшихъ въ столицу евреевъ. Доходно и уморительно было!.. Дежуришь это, примѣрно, на Варшавскомъ вокзалѣ; варшавскаго жиды сразу узнать можно: на немъ непремѣнно бархатный картузъ и опять же онъ, словно ночная бабочка, самъ на огонь лѣзетъ: прямо на тебя прегъ и пять рублей въ кулакъ тычетъ. Южный еврей, — того, какъ рыбину, на приманку ловить надо было: поставишь недалеко отъ себя двухъ жидовъ и заставишь ихъ разгово-рять разговаривать и руками махать, а алесскій, кишиневскій или ростовскій еврей, вылезши изъ вагона безпремѣнно лѣзутъ къ нимъ. Счасъ это его за жабы и: давай красненькую, или въ участ-окъ. Балтійскаго еврея, — того мерехкой ловили: юркій! Отъпини вокзалъ и ловишь...

Не то теперь, не то: пьянаго везешь въ уча-стокъ, — смотришь, чтобы у него позвоночникъ не хрустнулъ, а жиды поймалъ, — не смѣй его даже ногой въ живое мѣсто вдарить.

Видно, къ свѣтопреставленію!..

Г.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОТДЫХЪ.

Купецъ. Завтрева послушаю воскресенья лавку совсѣмъ не открывать.

Приказчики. Спасибо дорогой хозяинъ!

Купецъ. Дайте договорить! Ты, Хмыровъ, поѣдешь на почту посылки сдать; ты, Ивановъ, займешься у меня дома булгахтеріей; ты, Исаевъ, съ моимъ сыниш-кой рихметику пролеперируешь, а ты, Куриловъ, по-ѣдешь ко мнѣ на дачу, посмотрѣть не запилъ-ли сторожъ и все-ли тамъ въ порядкѣ.

ныхъ игроковъ и т. д. Политика политикой, а общественная жизнь сама по себѣ.

— Сдѣлайте, господа, одолженіе, но помните два условія: кратко и побольше соли! Редакція рѣ-шила сама идти на встрѣчу этому желанію и все, что достойно, будетъ использовано.

Откланялись и ушли.

„Трррр!...“ — раздается у телефона.

— Откуда?

— Изъ Москвы.

— Что угодно?

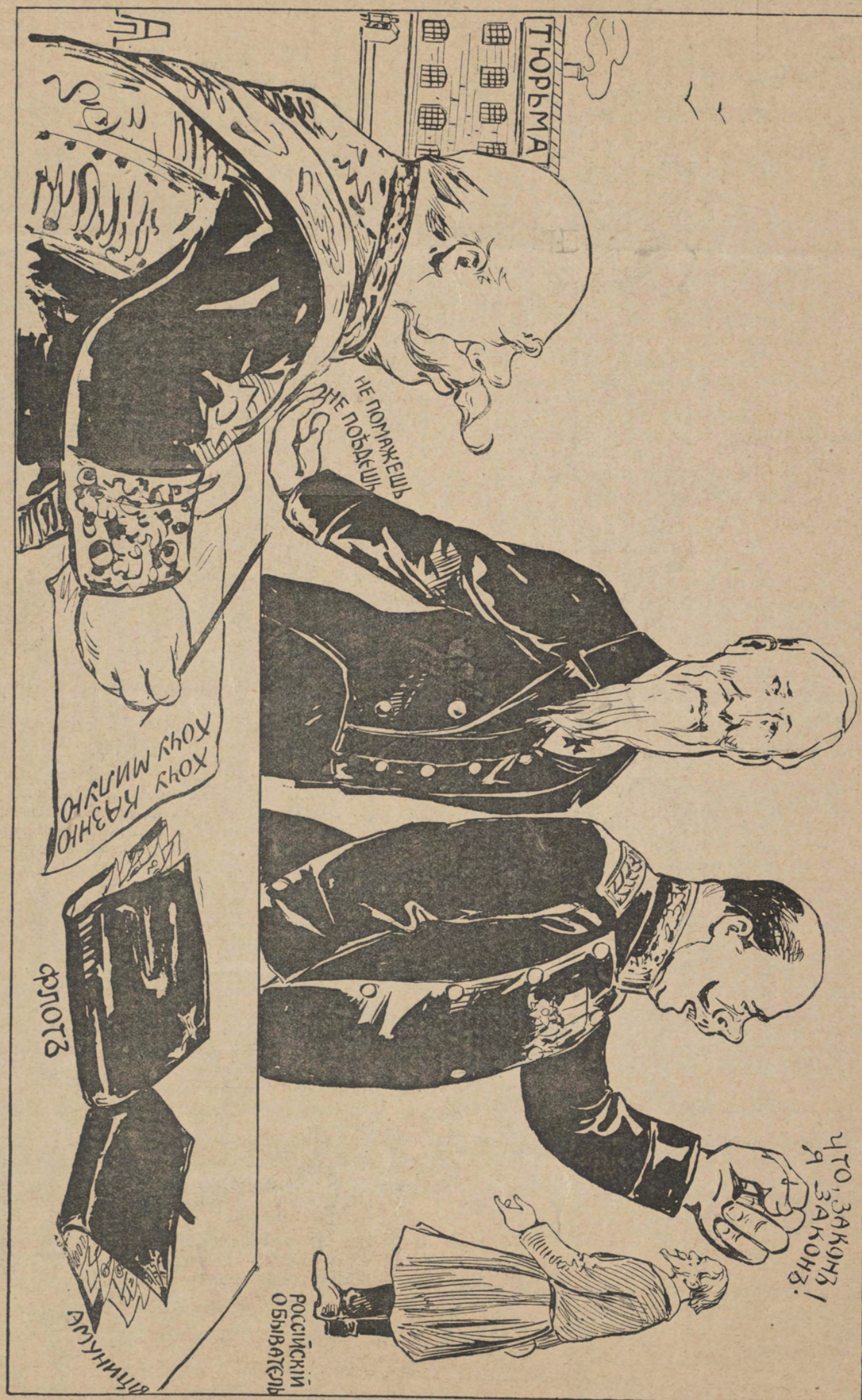
— Не забудьте насъ и провинцію!

— Нѣтъ-нѣтъ.

— Изъ типографіи требуютъ послѣдній мате-риалъ для журнала, — докладываетъ прислуга.

— Готово, готово; вотъ, отдайте! — протянули мы эту рукопись.

Факиръ.

ДВА ОТЧЕТА БИРЖИ ЗА ОДИНЪ И ТОТЪ-ЖЕ ДЕНЬ.

1. *Отчетъ газетнаго хроникера, играющаго на повышениіе.*

Не смотря на послѣднія событія, настроеніе на биржѣ было вчера весьма радужное и приподнятое. Очевидно, биржа не придаетъ никакого значенія самозванному правительству. Фонды хорошо спрашивали. Дивидендная требовали, при чемъ нефтяныя прямо рвали. Вексельный курсъ сверхъ-превосходный. На площадкѣ ни одной кислой физиономіи.

2. *Отчетъ газетнаго хроникера, играющаго на пониженіе.*

Благодаря послѣднимъ событіямъ, настроеніе на биржѣ удрученное, пришибленное, прибитое. Лучше не ходи на биржу! Фонды трахъ-тараррахъ-бумбихъ-бахъ!! Съ дивидендными ровно никакихъ дѣлъ! Нефтяныя рвали на части... вслѣдствіе того, что онѣ уже ничего не стоятъ! Вексельный курсъ убійственный! Гевальдъ, что будетъ завтра?!!

Ирь.

Максимъ и Босякъ.

(Шутка).

Что можетъ быть ехиднѣе змѣи сатиры?

У Горькаго Максима изъ квартиры

Босякъ бѣлье стациль,

Но тотчасъ пойманъ былъ.

— „Постой, подлецъ! тебѣ спущу я шкуру! —“

Вскричалъ Максимъ,

И вслѣдъ за симъ,

Явивъ собою дикую натуру,

Онъ босяка, что было силъ,

По скуламъ съ размаху хватилъ.

— „Ну, братъ, не ожидай!?! —“

Босякъ ему сказалъ —

И это ты?? (О, мой Спаситель!!)

Ты Горькій?... Ярый покровитель

Всѣхъ босяковъ и каторжанъ?!“

— „Молчи воришка и балванъ! —“

Вновь зарычалъ писатель лютый, —

И, знай бродяга необутый,

Чго воленъ всякъ про все писать,

А такъ какъ писать поступать

Онъ на іоту не обязанъ!

Ты это, друже, твердо знай!

Ну, а теперь... Скорѣй ступай,

Пока полиціей не связанъ!!!“

Вѣна.

У ХУДОЖНИКА-ДЕКАДЕНТА.

— Простите великодушно: нечаянно я сѣлъ на вашу палитру съ красками.

— Ничего не значить, только позвольте мнѣ вырѣзать тотъ кусокъ сукна, которымъ вы сѣли: я вставляю его въ рамку, назову „Весна въ сепѣ“ и помѣщу на выставку.

Нашъ.

Отецъ и дѣтя.

— Костя, въ гимназію иди!

— Бастую, папенька.

— Вася, на уроки!

— Бастую.

— Гриша на службу!

— Бастую!

— Чортъ возьми, такъ и я забастую!

— Нѣтъ, папенька, не смѣйте, а то мы съ голода умремъ.

И.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

До свѣдѣнія почтеннѣйшей петербургской домашней прислуги симъ доводится объ

открытіи бюро личнаго выбора хозяекъ.

Личный выборъ будетъ производится ежедневно въ слѣдующемъ порядкѣ:

Хозяйки, нуждающіяся въ нянькахъ, горничныхъ и кухаркахъ, приходятъ въ бюро, оставаясь тамъ съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

Каждая хозяйка должна имѣть аттестатъ отъ прежней прислуги своей и свидѣтельство о добронравіи.

Прислуга, нуждающаяся въ хозяйкѣ, можетъ являться въ бюро въ тѣ-жѣ, вышеозначенные часы.

На всѣ вопросы прислуги хозяйка должна отвѣчать вѣжливо и точно.

Каждая хозяйка платитъ за записъ 1 рубль.

Прислуга, выбравъ хозяйку, платитъ за это 30 к., имѣя право три раза въ теченіи первыхъ семи дней мѣнять хозяйку бесплатно.

За хозяекъ могутъ являться и мужья ихъ, но съ объясненіемъ уважительныхъ причинъ.

Бюро не отвѣчаетъ за честность прислуги, но о добронравіи хозяекъ наводитъ самыя подробныя справки.

Конечно, при такихъ условіяхъ вопросъ о прислугѣ разрѣшается въ самомъ благоприятномъ смыслѣ.

Директоръ бюро

фонъ-Фокусъ.

Письмо къ дѣдушкѣ-морозу.

Не ты ли шведовъ выгонялъ

Съ російскихъ береговъ

И ихъ навѣки зарывалъ

Подъ тяжестью снѣговъ?

И на поляхъ чужой страны

Нашли, подъ вьюги вой,

Блестящей Франціи сыны

Послѣдній свой покой.

Не ты-ль метелью завывалъ

У Крымскихъ береговъ

И нашу землю охранялъ

Отъ полчища враговъ?

И турокъ сильно ты давилъ

Среди Балканскихъ горъ,

Когда ты ночью обходилъ

Обычный свой дозоръ...

Дѣдушка, русскій морозъ!

Много ты пользы принесъ;

Родину нашу спаси еще разъ

Выморозъ ты чужедную мразь!

Обыватель.

Этакій непонятливый!

(Картинка съ натуры).

Канцелярія.

— Не вы ли помощникъ дѣлопроизводителя?

— Да, это я. Что прикажете?

— Осмѣлюсь побеспокоить... Нарочно пріѣхалъ изъ провинціи, чтобъ получить у васъ справочку...

— А какую?

— Видите ли, процессъ у меня; тянется онъ давно, лѣтъ пять, и теперь мой защитникъ находитъ необходимымъ представить въ судъ выписку изъ послужнаго списка губернскаго секретаря Павла Потрохова, умершаго двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Эгожь Павелъ Потроховъ, видите ли, служилъ у васъ до восьмидесяти пяти года и...

— Виноватъ, вы надолго пріѣхали?

— Нѣтъ, на день, на два; мнѣ вѣдь только бы справочку...

— Значитъ, вы торопитесь?

— Тороплюсь.

— Гм... Скоро нельзя-съ!

— А почему?

— Потому!.. Вы гдѣ остановились: въ гостиницѣ, или у какихъ либо родныхъ, знакомыхъ?

— Въ отелѣ „Англетеръ“.

— Ого, гостиница изъ дорогихъ!.. Я вотъ живу въ Коломнѣ, такъ и то за три комнаты плачу сорокъ два рубля безъ дровъ...

— Да, да я слышалъ, что здѣсь квартиры очень дороги.

— Очень!..

— Такъ какъ же насчетъ справочки?

— А дрова у насъ: второй сортъ шесть съ полтиной саженъ!.. Вы сами изъ какого города?

— Изъ Орла.

— Скажите, какъ тамъ у васъ живутъ чиновники?

— Ничего себѣ...

— А тутъ хоть волкомъ вой! Помилуйте, ну что сдѣлать на семьдесятъ рублей жалованья?

— Хотѣлось бы того...

— Чего „того“? Говорите прямо, тутъ всѣ свои, тутъ все можно...

— Хотѣлось бы получить сегодня же справочку...

— Я понимаю, что каждому время дорого, я все понимаю, а вы вотъ нѣтъ, вы непонимаете!

— На будущей недѣлѣ разборъ дѣла, необходимо представить справку дня за три...

— Ну, конечно. Кстати, почему въ Орлѣ мясо?

— Тринадцать, четырнадцать копѣекъ.

— А тутъ подбедерникъ шестнадцать!

— Получу я сегодня просимое?

— Вы семейный?

— Вдовецъ.

— Дѣти есть?

— Двое.

— Экъ счастливецъ! У меня пять ртовъ, не считая прислугу! Побробовали бы вы прожить на мое жалованье...

— Можетъ быть я не къ вамъ обратился съ моею просьбой? Можетъ быть мнѣ надо обратиться непосредственно къ вашему начальству?

— Ну, и что же: пройдетъ полтора мѣсяца, пока вы добьетесь толка!

— Неужели?

— Увѣрю васъ!... Гм... вы сегодня вечеромъ дома будете?

— А что?

— Не зайти ли мнѣ къ вамъ лично по поводу справочки?

— Право, не знаю... Вдругъ я уйду или уѣду куданибудь...

— Кстати, сколько жалованья получаетъ въ Орлѣ нянька?

— Рублей пять.

— Я тутъ восемь плачу! Вообще, я долженъ замѣтить вамъ, что въ Петербургѣ невозможно жить на одно жалованье.

— Вѣрю.

— И?... Знаете ли, нѣтъ хуже, какъ имѣть дѣло съ провинціаломъ!

— Почему?

— Потому, что онъ или ничего не понимаетъ, или притворяется непонимающимъ!

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Опять двадцать пять!.. Вы гдѣ сегодня обѣдаете?

— Еще не рѣшилъ, не знаю...

— Въ „Вѣнѣ“ отлично кормятъ... Ну и у Лейнера не дурно... Впрочемъ, добросовѣстно и въ трактирахъ кормить стали...

— Буду знать.

— Неужели вы ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ не были?

— Неприходилось...

— А въ какіе часы вы обѣдаете?

— Да какъ придется.

— Самое лучшее это въ пятомъ часу; присутствія повсюду кончаются.. служащіе свободны...

— Получу я сегодня справочку?

— Я люблю больше всего „Вѣну“ и... если... если...

— Можетъ быть прикажете мнѣ зайти завтра?

— Зачѣмъ?

— За справкой.

— Въ ян—ва—рѣ!!

— Но...

— Въ ян—ва—рѣ; у меня дѣлъ по горло!!

Семафоръ.

ГОВОРЯТЪ.

Говорятъ, что на Руси вольготно жить,
Говорятъ, обкрадывать казну не будутъ,
Говорятъ, не надо, молъ, тужить,
Что заемъ миллионный все же раздобудутъ.

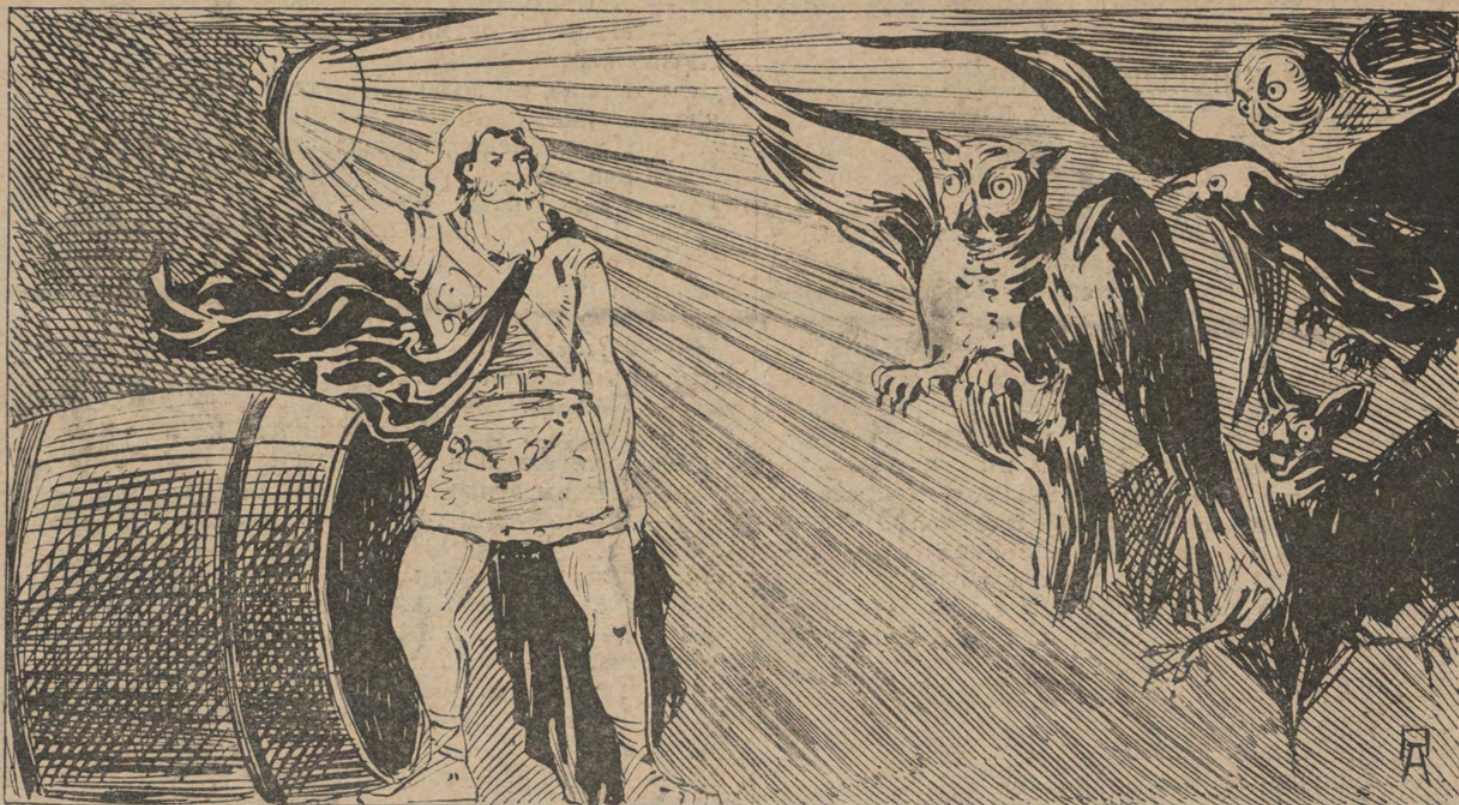
Говорятъ, что «Русь» открыла школы,
Что настанетъ всюду тишина,
Говорятъ, не будутъ бѣдняки ужъ голы,
Говорятъ, для всѣхъ пришла весна.

Говорятъ, что мы впередъ шагнули:
Заграницею и то отъ насъ отстали,
Говорятъ, вчера ужъ никого не дули,
Говорятъ, всѣ на работу встали.

Говорятъ, готовы всѣ реформы—
Городовой ведетъ себя прилично,
Для студентовъ нѣту прежней формы,
Гимназисты учатся отлично.

Говорятъ, въ газетахъ нѣту утокъ.
Говорятъ, что спорятъ ужъ безъ драки...
Но пора сказать безъ всякихъ шутокъ,
Что весь говоръ по сегодня враки!

М. Б.

Жемхожко философи.

Расчитывай только на того, кто вправѣ на тебя расчитывать.

Путь твоей жизни есть окружность, радіусъ которой ты самъ.

„Я все уже пережилъ!“ значить „я не прочь еще пережить“.

Ошибка людей въ томъ, что они ищутъ счастья на чужой дорогѣ вмѣсто того, чтобы искать его на своей.

Янки.

ВЪ БЕСѢДѢ.

— Сержъ, отцу помогаешь?

— О, да! Вѣдь я ему помогъ пропить родовое имѣніе!

ПОМѢЩИКИ.

— Былъ у васъ разгромъ экономіи?

— Былъ.

— И васъ это не тревожитъ?

— Это тревожитъ больше моихъ кредиторовъ.

Я.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОЗВРАТИЛСЯ. Работаю съ табачною фабрикою фирмы „А. Н. ШАПОШНИКОВЪ“. Девизъ прежній: „ВСЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ“. Сердечный привѣтъ г.г. кліентамъ и покупателямъ.

Дядя Михай.

ВСЕ ЗА ФЛАГОМЪ!!

ПО ВКУСУ И ВЫСОКОМУ КАЧЕСТВУ НАШИХЪ ПАПИРОСЪ
„ДЕССЕРТЪ“ и **„КАИРЪ“**

10 шт. 6 коп.

20 шт. 6 коп.

Табачная фабрика „А. Н. ШАПОШНИКОВЪ“. **ВѢРНО!!** *Дядя Михай.*

ГРАММОФОНЫ
А. БУРХАРДЪ
 НЕВСКІЙ 6; ОТД: УЛ. ГОГОЛЯ 4
 КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

С. П. Б.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ
М. М. БРОДОВСКІЙ.

Адресъ редакціи и конторы:
 4-я Рождественская ул., домъ № 14, кв. 8.

Цѣна 10 коп.

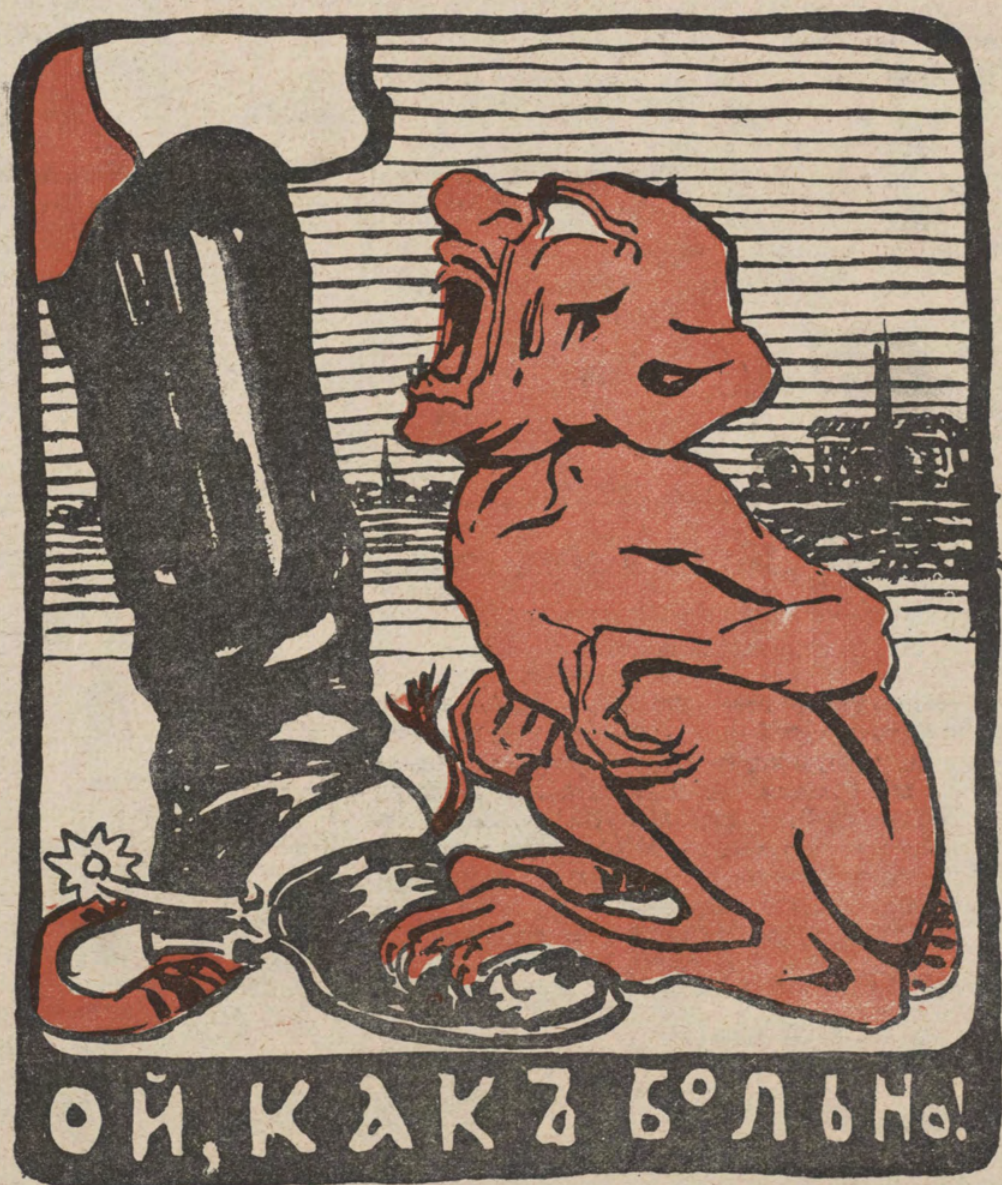
ПЯКИРА.

Журналъ Литературно-
сатирическій, обоюдоострый и правдивый.

№ 2.

30 Декабря 1905 г.

Годъ изданія I.

Великанъ и карлики.

На широкомъ просторѣ необъятныхъ равнинъ, опоясанныхъ цѣпями горъ и морями, жилъ могучій богатырь-исполинъ. — И въ потѣ лица своего, паша землю и сѣя, добывалъ онъ хлѣбъ свой.

И въ той-же странѣ, съ испоконъ вѣка, жили карлики черные, а въ послѣднее время появились новые карлики — красные. И тѣ, и другіе питались плодами трудовъ исполина, — и рабски-покорно отдавалъ богатырь и чернымъ, и краснымъ послѣдній ломоть заплѣснѣлаго хлѣба.

Но вотъ возгорѣлась межъ карловъ война — не на животь, а на смерть возгорѣлась!

Лежить богатырь, отдыхаетъ отъ трудовъ своихъ тяжкихъ и въ истомѣ тяжелой онъ дремлетъ.

Собрались карлики — черные съ красными, да на немъ — исполинъ смертный межъ ними начался бой.

Схватили карлики черные мечъ богатырский, взмахнули имъ и, какъ молнія падаетъ съ неба, опустили тотъ мечъ, опустили надъ красными. Разбѣжались тѣ въ разныя стороны; кой-кого лишь ударило, а мечъ-кладенецъ и угодили прямо въ грудь великану.

И забила ключемъ тутъ кровь алая и полилась — полилась ручьемъ!..

Въ свой чередъ взяли красные саблю острую, — понатужились, да по чернымъ хватъ! А тѣ черные-попроворѣе — во все стороны, — и опять исполнито въ грудь угодило, — но ужъ саблею!.. И льется кровь богатырская: льется ужъ рѣченкой.

И не день вѣдь, не два, какъ дерутся тѣ карлики, а кормилица ихъ и поильца кровь проливается...

Ой, проснись, богатырь, подымись! Научи ты тѣхъ карликовъ уму-разуму!..

Азоръ.

Собаки.

Въ одномъ хозяйствѣ какъ-то разъ
Примѣтилъ вдругъ хозяйскій глазъ,
Что въ домѣ завелись воры..
Казалось, въ цѣлости запоры,
И страшень всѣмъ хозяйскій кнутъ, —

Однако, въ домѣ все крадутъ,
И съ каждымъ днемъ лишь воръ смѣлѣе!..
Хозяйство цѣнное жалѣя,
Хозяинъ на ночь злыхъ собакъ —
Зубастыхъ, кровныхъ забѣя —

Спустилъ съ цѣпи — и ждетъ спокойно:
Ужъ встрѣтитъ воръ отпоръ достойно!
Конечъ бѣдѣ!.. Но свора псовъ,
Оскаливъ страшный рядъ зубовъ,
Не разбирая правыхъ, вора, —

На всѣхъ помчалась безъ разбора!..
Поднялся тутъ весь спавшій дворъ:
Кто бѣгствомъ спасся чрезъ заборъ,
Кто второпяхъ схватилъ дубину,
Чтобъ съ боемъ усмирить скотину

И скрыться дальше безъ вреда,
Ничѣмъ не поплатясь. Тогда —
Хозяинъ предложилъ собраться.
Чтобъ всѣмъ о горѣ толковать,
Чтобъ вора быстро изловить —

И псовъ зубастыхъ усмирить...
Не тутъ-то было! Забѣяки —
Собраться не дають!.. Собаки,
И сами то-жъ у всѣхъ крадутъ, —
Но ихъ щадить хозяйскій кнутъ!..

Собраться все-же порѣшили —
И къ дѣлу въ страхѣ приступили...
А ужъ далась ли правда имъ, —
Объ этомъ послѣ сообщимъ!..

Стражъ.

Продолженіе „Тысячи и одной ночи“.

(Арабскіе рассказы Шахеразады).

отъ редакціи.

Случайнымъ и непостижимымъ образомъ къ намъ попалъ древній манускриптъ, испещренный арабскими іероглифами. По изслѣдованію оказалось, что это — новыя «ночи» волшебной Шахеразады. Знаменитый профессоръ Лукичъ Злой любезно принялъ на себя переводъ и редактированіе этого драгоценнаго матеріала, — и, такимъ образомъ, наши читатели, по мѣрѣ перевода рукописи, будутъ получать по одной новой ночи.

Исторія Каледонскихъ стрѣлковъ и монашенекъ.

...Когда же наступила

тысяча вторая ночь,

она сказала:

— Слыхала я, о царь благословенный, что въ древнія времена, въ странѣ Каледонской, въ городѣ Авксомѣ, случился неслыханный мятежъ.

Часть населенія возстала противъ своего повелителя. За повелителя встали Каледонскіе стрѣлки, и на площадяхъ и уликахъ Авксомы началась кровавая рѣзня.

Мирные жители съ ужасомъ прислушивались къ зловѣщимъ звукамъ битвы, творя молитвы всѣмъ святымъ пророкамъ. На пятый день мятежа обѣ воюющія стороны рѣшили дать большое сраженіе на одной изъ главныхъ площадей Авксомы. Для успѣховъ военныхъ дѣйствій эта площадь представляла больше выгодъ мятежникамъ, чѣмъ храбрымъ стрѣлкамъ.

Зная это, стрѣлки пустились на хитрость. Нужно сказать тебѣ, — о, благословенный царь, да будетъ цвѣсти роза въ душѣ твоей! — что на этой площади стоялъ знаменитый женскій монастырь, съ высокой колокольней.

— Душа моя, — прервалъ Шахеразаду Шахриаръ, — не пояснишь ли ты, что такое женскій монастырь? Я никогда ничего не слыхивалъ объ этомъ.

— Не знаю навѣрно, о, пресвѣтлый царь! — но надо думать, что это нѣчто вроде нашихъ сералей!.. И такъ, этотъ монастырь былъ извѣстенъ всей

Свобода мнѣній.

1-ый гражданинъ: какъ ваше мнѣніе на счетъ этого обстоятельства?

2-ой гражданинъ (тревожно оглядываясь по сторонамъ): гмъ... да... то есть... какъ вамъ сказать... оно, конечно... разумѣется... ну-да... хотя... если взвѣсится... то-есть... доложу я вамъ... и потомъ...

1-ый гр.: да вы, собственно, на счетъ чего?

2-ой гр.: а вы то, — чего собственно?

1-ый гр.: да я — очень просто! касательно закуски-съ!.. По рюмочкѣ эдакъ-съ — да съ икоркой, что-ли, али съ ветчиной! вы что, къ слову сказать, уважаете-съ?

2-ой гр.: (облегченно вздохнувъ): и давно-бы такъ!.. Съ удовольствіемъ-съ!.. А то, знаете-ли, сразу... съ перваго моменту-съ... Съ удовольствіемъ-съ! И за ваше драгоценное здоровіе!..

Гражданинъ.

Авксомѣ изумительной строгостью своихъ нравовъ, несмотря на то, что лѣтомъ передъ нимъ все время трубачи наигрывали веселыя пѣсенки, а сами монашенки — въ цѣляхъ обогащенія его средствъ — спокойно ходили по разнымъ публичнымъ мѣстамъ, собирая денежные пожертвованія.

Эти дѣвы до такой степени чтились въ Авксомѣ за святость ихъ жизни, что иные благочестивые жители, желая образумить какую нибудь согрѣшившую, заблудшую женщину, говорили ей: „Душа моя, тебѣ бы надо въ этотъ монастырь поступить!..“

Стрѣлки и рѣшили воспользоваться колокольней этого монастыря, чтобы съ нея удобнѣе стрѣлять въ толпы мятежниковъ.

И вотъ съ арболетами и копьями, подѣхали стрѣлки къ воротамъ монастыря.

— Открыть ворота! — загремѣлъ предводитель воиновъ.

Перепуганный на смерть монастырскій стражъ бросился къ старшей надсмотрщицѣ надъ дѣвами.

— О, горе, горе, госпожа! — закричалъ онъ. — Полки осаждаютъ нашъ монастырь!..

— Странно... — задумчиво произвела надсмотр-

Иностранецъ: Удивительно, что все ваши „знаменитые“ дѣятели носятъ иностранныя фамиліи: фонъ Плеве, Стессель, Абаза, Нейдгардъ, Скалонъ, Клейгельсъ, Медемъ, Пихно, Крушеванъ, Витте...

Русскій: (обиженно): ну, у насъ и „своихъ“ наберется достаточно! Не угодно-ли:

Сипягинъ, Куропаткинъ, Безобразовъ, Курловъ, Дубасовъ, Сахаровъ, Бобриковъ, Шамоковъ, Суворинъ, Дурново — и проч., и проч., и проч.

Патріотъ.

Сложите суммы „всѣхъ свободъ“,

Что далъ Руси минувшій годъ, —

И вамъ, въ конечномъ результатѣ,

Предстанетъ — нуль въ квадратѣ!..

Энъ Тэ.

щица. — Днемъ, при всемъ благочестивомъ населеніи?!

Вѣсть о прибытіи воиновъ вмигъ облетѣла все келіи монастыря, гдѣ томились цѣломудренныя дѣвы. Сильное волненіе охватило ихъ.

Собравъ всѣхъ дѣвъ, надсмотрщица обратилась къ нимъ со слѣдующими словами:

— Мои возлюбленныя газели! Кажется, пришелъ часъ нашего страшнаго испытанія. Каледонскіе стрѣлки требуютъ открытія нашихъ воротъ. Безъ вашего согласія — я не могу дать разрѣшенія... Скажите-же: хотите вы, или нѣтъ?...

— Что до меня... я... хочу... — начала одна.

— И я... не прочь... — добавила другая.

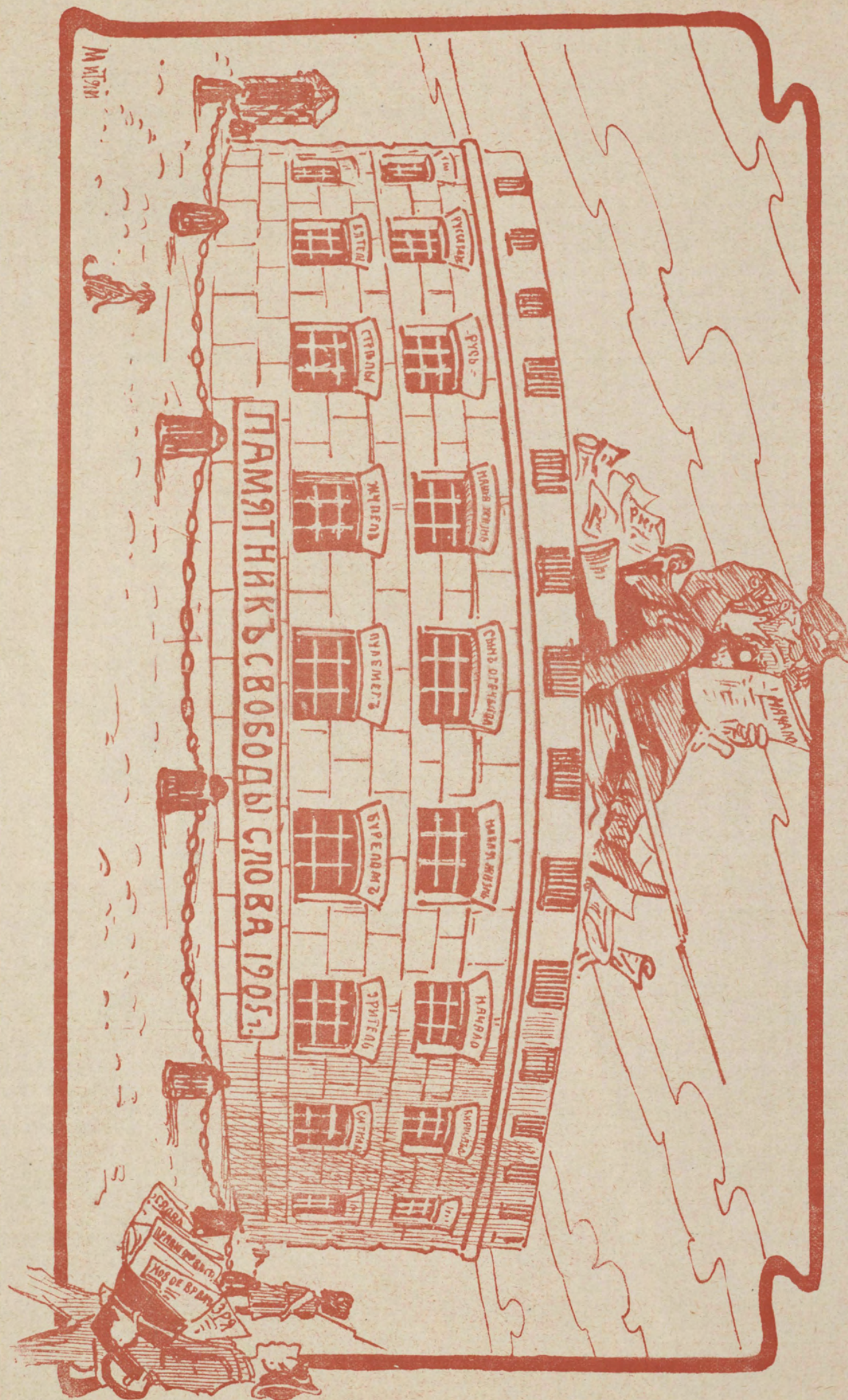
— И я! и я! и мы! — загремѣли голоса благочестивыхъ дѣвъ.

— Впускай! — отдала приказъ надсмотрщица.

И воины вошли въ ворота монашенекъ со своимъ оружіемъ — и стрѣляли, сколько хотѣли, всю ночь...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа Шахеразада замѣтила приближеніе утра и скромно умолкла.

Перевелъ проф. Злой.

Немножко освѣжить, немножко переменить...

Сказка про бѣлаго бычка.

Реформами чреватые,
На зло родной земли,
Года шестидесятые
Незримо въ даль ушли.
Благія начинанія
Всѣ, всѣ вернулись вспять —
И прежнія мечтанія
Забыли мы опять.
Узрѣвъ на дѣлѣ трудности
Широкаго пути,
Отъ свѣта и премудрости
Рѣшили мы уйти.
И взвѣсивъ обстоятельно
Всю прелесть зла и тьмы,
Полвѣка къ нимъ старательно
Назадъ шагали мы.
Россійской эволюціи
Померкнула звѣзда:
Мечтать о конституціи
Не стали мы тогда!
Народные печальники
Умолкли въ лютый часъ,
И земскіе начальники
Смѣнили ихъ у насъ..

Средь дня и темной ноченьки
Баюкала насъ власть,
И мы, смѣживши оченки,
Забыли про напасть.
Но вдругъ — бѣда нагрянула
Нежданно, въ поздній часъ:
Съ востока пушка грянула
Прямехонько на насъ!
Покуда мы поднялися,
Покуда раскачались,—
Глядимъ — кругомъ пожаръ!
Мы — въ слезное моленіе!

Лекція профессора Н.

Отечеству нужны люди! Редакція находитъ свое-
временнымъ и неотложнымъ открыть на столбцахъ
„Сѣкиры“ законченный курсъ подготовки общественно-
государственныхъ дѣятелей, начиная со званія мини-
стра-премьера и кончая почтово-телеграфнымъ раз-
сылнымъ, на случай возможной забастовки того и
другого, равно какъ и промежуточныхъ между ними
чиновъ и званій. Практика жизни неоднократно под-
тверждала непогрѣшимую нашу теорію, истекающую
изъ наблюденія и опыта...

Курсы учреждаются явочнымъ порядкомъ.

Мы — молвили „терпѣніе!“
А тамъ — еще ударъ!
Мечи у насъ затуплены,
Орудія — не куплены,—
Живѣй — точить, скупать,
Казну считать полушками;
А дерзкій врагъ насъ пушками —
Опять, опять, опять!
Въ глупѣйшемъ положеніи
Мы были слишкомъ годъ,—
И вотъ пришелъ въ движеніе
Проспавшійся народъ!

— „Подать намъ конституцію!
Подать намъ всѣ права!“
(Родную эволюцію
Припомнила молва).
— „Довольно жить проформами!
Довольно черной тьмѣ!
Господній свѣтъ реформами
Купить желаемъ мы!
Народное движеніе
По сердцу намъ пришлось.
Аграрное броженіе
Повсюду началось.
Намъ дали обѣщаніе
„Все сдѣлать“ въ сорокъ дней,
Добавивъ на прощаніе:
— „Коль будете умнѣй!...“
И вотъ, въ большемъ уныніи,
Забывъ борьбу съ судьбой,
Несется крикъ по линіи —
— „Отбой, отбой, отбой!“
И снова, взвѣсивъ трудности
Широкаго пути,
Мы шепчемъ: „Отъ премудрости
Не лучше-ли уйти?“

Актеонъ.

Лекція первая.

I. Какъ сдѣлаться министромъ-премьеромъ?

Для этого отнюдь не нужно родиться въ сорочкѣ,
такъ какъ въ послѣдствіи иногда приходится предстать
во всей наготѣ передъ обществомъ... Но необходимо
имѣть лисій хвостъ отъ природы. Требуется умѣнье
часто писать „сообщенія“, но такъ, чтобы никто, иже
самъ авторъ, ничего изъ нихъ не уразумѣлъ. Храненіе
въ англійскомъ банкѣ собственныхъ миллионовъ, на-
житыхъ „трудами праведными“, — обязательно, — а также
полезно знакомство съ иностранными корреспондента-
ми, содержимыми на секретныя суммы отечествен-
наго бюджета... Другія аналогичныя достоинства лишь
упрочиваютъ положеніе премьера.

II. Какъ сдѣлаться министромъ вообще?

Различаютъ министровъ — разныхъ „дѣлъ“ и мини-
стровъ — безъ „дѣлъ“. О первыхъ будетъ сказано ниже.
Но, чтобы сдѣлаться министромъ „безъ дѣлъ“, необ-
ходимо и достаточно быть женатымъ на свояченицѣ
министра какихъ-нибудь „дѣлъ“... И... только!...

Осель и Декадентъ.

(Посв. Б—ту).

Въ лѣсной глуши, отбросивъ лиру,
Зеленой кучей окружень,
Поэтъ „Вѣсовъ“, извѣстный міру,
Вкушалъ отрадно — сладкій сонъ...

* * *

Вдругъ... слышитъ шопотъ надъ собою:
— „Поэтъ! Хранитель юныхъ грезъ!!
Какъ радъ я встрѣтиться съ тобою,
Пѣвцомъ отчаянья и слезъ!!..“

* * *

Поклонникъ я. — Твой стихъ прелестный
Цѣню, какъ Неба высшій даръ:
Меня влечетъ онъ въ неизвѣстный
Багрово — пурпурный угаръ!!..

* * *

Твое безсмысліе велико!!
Я въ идеалъ его возвелъ!!!!..
— „Кто-жъ ты?!!“ — поэтъ воскликнулъ дико.
— „Я... почитатель твой... осель!!!“

Пумпій Пульцій.

Прежде — жалкій обыватель
И лишенный правъ земныхъ..
Нынѣ — въ Думу избиратель. —
Не теряй-же правъ своихъ!..

Чтобы сдѣлаться министромъ — „дѣлъ“, рекомен-
дуется:

- 1) получить „свинью“ изъ устъ наивысокопостав-
леннаго лица, а потомъ — и превзойти ее на дѣлѣ;
- 2) съ аппетитомъ облизываться на общественныя
„съ міру по ниткѣ“, начиная, по крайней мѣрѣ, съ
полутора тысячъ, но не брезгая, однако, и меньшею
суммой, разумеется, въ звонкой монетѣ;
- 3) возвести въ единственную и непреклонную си-
стему государственнаго управленія отнынѣ ставшій
безсмертнымъ девизъ: „патроновъ не жалѣть“, — и не
пытаясь дѣлать то, что министру „дѣлъ“ дѣлать
полагается; — и
- 4) и... и... и — больше ничего!..

III. Какъ сдѣлаться...

(Продолженіе въ слѣдующемъ №-рѣ)

Завѣдующій курсами

профессоръ Н.

ВЛАСТЬ.

Индійская легенда.

Когда люди размножились на землѣ, и всѣ удо-
вольствія жизни ими были исчерпаны, они начали
громко роптать. Красота, Добро и Истина, ниспо-
сланные имъ божественнымъ Буддой для улады
человѣческой жизни, уже не удовлетворяли ихъ
въ своемъ однообразіи, — и имъ захотѣлось дру-
гихъ, неизвѣданныхъ еще ощущеній.

— Пошли намъ что-нибудь новое, — взмоли-
лись терпѣливому Буддѣ наиболѣе беспокойные
изъ нихъ, — наша жизнь скучна и однообразна,
какъ тихій лепетъ ручья въ безмолвную лѣтнюю
ночь.

Добрый Будда участливо выслушалъ просителей.

— Всѣ лучшія богини вамъ уже посланы, —
тихо проговорилъ онъ, — и жизнь ваша протекала
въ довольствіи... У меня-же теперь осталась одна
только *Власть*... Возьмите ее и держите, если она
вамъ понравится!..

Люди въ восторгѣ благодарили Будду и съ
нетерпѣніемъ ожидали появленія новой богини...

И она явилась имъ въ ту-же ночь...

Сосѣднее племя неожиданно напало на без-
заботныхъ людей, разгромило ихъ жилища и объ-
явило всѣхъ жителей плѣнниками.

Власть быстро дала себя имъ почувствовать.

Затаивъ глухую злобу, съ застывшимъ про-
клятьемъ на устахъ, побѣжденные исполняли всѣ
прихоти и капризы побѣдителей, — и чѣмъ больше
они смирялись, тѣмъ круче проявлялась безна-
казанность Власти...

— Не убраться-ли богиню, — спросилъ Будда людей
спустя нѣсколько времени.

— Нѣтъ, — съ восторгомъ отвѣтили побѣди-
тели, — она намъ открыла новую жизнь: вмѣсто
двухъ рукъ у каждаго изъ насъ теперь ихъ —
безчисленное множество, вмѣсто пары ногъ —
цѣлыя тысячи, и за насъ исполняютъ другіе наше
любое желаніе!..

— Нѣтъ, — въ свою очередь откликнулись и
побѣжденные, — не отбирай, о, Будда, Власти: когда-
нибудь она перейдетъ и къ намъ!

И начались на землѣ страшныя междоусобія
изъ-за Власти. Возстали брать на брата, родъ на
родъ, племя на племя, — и Власть переходила то
къ однимъ, то къ другимъ, становясь каждый
разъ еще могущественнѣе и жестокосерднѣе.
Гордая и своевольная — она капризно выбирала то
сильныхъ, то слабыхъ, — и кровь человѣческая
лилась рѣкой, — а люди все молили Будду не уби-
рать Власти!..

И на вѣки осталась жить Власть на землѣ...

Сфинксъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Въ гильзахъ „ГОНДОЛЬЕРЪ“ соблюдены главныя санитарныя условія. Итальянская бумага изъ чистой клѣтчатки и проклейка ея безъ азотистыхъ органическихъ веществъ.

фабрика *Гондольеръ*.

ГРАММОФОНЫ
А. БУРХАРДЪ
НЕВСКИЙ 6; ОТД.: УЛ. ГОГОЛЯ 4
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

Отъ редакціи. Литературный и художественный матеріалъ, присылаемый въ редакцію, долженъ быть съ обозначеніемъ имени, фамиліи и адреса автора, а также и условій гонорара, безъ чего матеріалъ оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются.

Редакторъ для личныхъ переговоровъ принимаетъ ежедневно отъ 10 до 12 час. дня.

Типографія и переплетная Ю. А. Мансфельдъ, улица Гоголя, 9

Вчера я пробовалъ „ДЕССЕРТЪ“,
10 шт. 6 коп.

Сегодня мы „КАИРЪ“ курили,—
20 шт. 6 коп.

И заключаемъ: c'est bien certel
Что оба сорта очень милы!

дядя михвй
Папиросы табачной фабрики „А. Н. ШАПОШНИКОВЪ.“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

на еженедѣльный, литературно-сатирический,
обоюдоострый и правдивый журналъ

„С Ъ К И Р А“

№ 1 разошелся весь. Подписка принимается съ № 2.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на 12 мѣс. 4 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Объявленія за строку nonparelli въ
1/3 страницы 50 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ:
С.-Петербургъ, 4-я Рождественская ул., № 14.

Редакторъ-Издатель **М. М. Бродовскій**.

Журналъ Литературно-
сатирическій, обоюдоострый и правдивый

№ 3.

6 Января 1906 г.

Годъ изданія I.

Какъ, гражданинъ: только сто тысячъ?!..

Смерть и Жизнь.

Легенда из недалекого прошлого...

На рубежѣ двухъ годовъ предстала Смерть предъ грозныя очи Творца—для отчета въ поступкахъ. Опершись объ окровавленную косу и вытирая свѣжую кровь съ дрожащихъ суставовъ, она скромно потупила зияющій черепъ и въ трепетѣ ждала своей участи.

— Отвѣчай,—прогремѣлъ грозный голосъ,—что дѣлала ты на землѣ за весь годъ?

— Я строго исполняла свой долгъ,—прошептала Смерть едва слышно,—я быстро являлась туда, гдѣ кто-либо ко мнѣ призывалъ... я переводила въ мѣръ тѣней всѣхъ тѣхъ, кому это было предопредѣленно... я...

Громовой голосъ строго прервалъ ее.

— Неправда,—откликнулось въ сводахъ Небесъ,—ты скрываешь намѣренно! А кровь борцовъ и невинныхъ? А ужасы междоусобицъ? А холмы череповъ и рѣчки пролившейся крови?... Дай отчетъ, не скрывай!

Смерть метнула ужасными впадинами глазъ и увѣренно проговорила:

— Нѣтъ! не повинна я въ этой крови! *Туда* являлась я уже послѣ всѣхъ... И если виновна кто, то сестра моя—лучезарная *Жизнь*! Для нея люди боролись съ людьми, во имя нея возставалъ братъ на брата,—и не хотѣли владѣть ею люди совмѣстно!.. Когда же одинъ бралъ верхъ надъ другимъ, то побѣдитель насильно хваталъ мою острую косу и обильно обгрялъ ее кровью побѣжденнаго...

— И во имя лучезарной *Жизни* люди кидались и толкали другъ друга—въ холодныя объятія Смерти...

Сфинксъ.

Ковковцевъ: ...и, наконецъ, въ обезпеченіе займа я могу дать вамъ парочку сатирическихъ редактовъ.

Банкиры. Держите ихъ лучше у себя,—авось, кто-нибудь выкупить... Вотъ вамъ и усиленіе средствъ казначейства!

Въ догонку нашимъ „вояжерамъ“.

Путь вамъ добрый, господа!—Насъ покинувшіе братья! Врядъ-ли русскія проклятія долетятъ до васъ туда. Что для васъ отчизны стоны? Сладокъ вамъ позорный путь... Согрѣваютъ вашу грудь Роковые миллионы. Что вамъ русская печаль Въ царствѣ сказочной рулетки? Подъ напѣвы шансонетки Улыбается вамъ даль... Что вамъ скорбная кручина Въ вашей дѣдовской глуши? Смыли стыдъ у васъ съ души Карты, женщины и вина!

Тамъ, гдѣ зрѣетъ апельсинъ, Зеленѣютъ кипарисы, Млѣютъ наши Адонисы У продажныхъ Альфонсинъ. Въ нѣгѣ сладостной дремоты, Въ лихорадочномъ огнѣ, Къ черту брошены заботы О родимой сторонѣ. Ахъ, родные вояжеры! Неужели—васъ, любя, Заграничныя гетеры Не оставить у себя?! Но... судьба для насъ—сурова... Чую я лихой обманъ,— Что пріѣдете вы снова Набивать себѣ карманъ!

Актеонъ.

Въ адъютантахъ.

Quasi una fantasia.

... Я рѣшилъ образумиться и, какъ любилъ выражаться папахенъ, „поработать“ на благо отечеству. Служить!.. Извѣстно, что всѣ достойные сыны родины—на той или иной службѣ—посвятили ей свои лучшія силы. Но куда поступить? И что теперь отечеству всего нужнѣе?..

Кокѣ, мой пріятель, убѣжденный „ка-детъ“ и непремѣнный членъ „общества призрачна кающихся магдалинъ“, усердно предлагалъ мнѣ, безъ колебанія, поступить въ городовые.

— Этотъ сортъ государственныхъ дѣятелей теперь отечеству всего необходимѣе,—съ достоинствомъ увѣрялъ онъ меня.

Я мысленно перебиралъ въ услужливой памяти многіе виды общественно-государственной дѣятельности, но не остановился ни на одномъ изъ нихъ. Всѣ они были шаблонны и съ до-нельзя ограниченной сферой: какой-нибудь жалкій зубецъ второстепенной шестерни наисложнѣйшаго государственнаго механизма!..

— И если не въ городовые,—продолжалъ настаивать меня Кокѣ,—то попробуй создать какую-нибудь новую политическую партію: оно теперь въ модѣ—и для отечества полезно!

Мнѣ эта идея, признаться, улыбалась и раньше:

родоначальникъ, чертъ возьми, передовой общественной партіи, единолично вершающій судьбы многострадальнаго отечества!.. И я, въ свое время, обратился съ обстоятельной запиской къ премьеру, съ предложеніемъ своихъ услугъ, и съ просьбой о субсидіи... Къ сожалѣнію, отвѣта еще не послѣдовало. А время уходило безслѣдно. И въ одну изъ безсонныхъ ночей, когда патріотическій пылъ и кипучая энергія достигли своего апогея, меня неожиданно осянило свыше. Эврика!.. Полезная дѣятельность была, наконецъ, найдена!..

Была полночь. Нарядная столица съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ и съ печатью равнодушія на челѣ, встрѣчала новый Годъ, пользуясь всякимъ поводомъ, чтобы закутить и выпить. Но этотъ моментъ для меня былъ торжественнымъ и рѣшающимъ.

— Привѣтъ тебѣ, о, новый Годъ,—началъ я, когда старинные часы мѣрно и звонко отсчитали двѣнадцать,—благословляю твой приходъ, о, юный, многообѣщающій, жизнерадостный! И чтобы способствовать тебѣ въ твоихъ начинаніяхъ, чтобы послужить на благо отечеству,—дозволь мнѣ поступить къ тебѣ—адъютантомъ!

Неожиданность предложенія, повидимому, смутила молодого гостя, но онъ скоро оправился.

— Я думаю какъ-нибудь самъ... — скромно произнесъ онъ. — И потомъ — мои предшествен-

Они голодали..

Они голодали..

Тамъ, въ далекой глуши занесенной снѣгомъ деревни, зловѣще надвигался ужасающій призракъ, и его грозные спутники уже щелкали алчными зубами, поглощая жертву за жертвой.

Они голодали..

Послѣдняя корка зачерствѣлаго хлѣба была давно уже съѣдена, послѣдняя копѣйка взыскава въ волость на подати, и тощая скотинка отведена на пролажу въ село.

Они голодали..

Длинный рядъ зимнихъ холодныхъ дней, дней неотвратимаго ужаса голода, казался тяжелымъ кошмаромъ, безпросвѣтнымъ туманомъ, тяжело свалившимся на тощую грудь бѣдняка.

И люди, запустившіе цѣпкіе когти въ тѣло голоднаго брата, сроднившись съ своей ролью вампира и цѣною чуждой имъ крови готовые отстоять свое безправіе, — они отвернули свои заплясавшіе глаза отъ зловѣщаго зрѣлища смерти, и ужасающій

стонъ не достигалъ ихъ безразличнаго уха...

И люди, возросшіе въ довольствѣ и холѣ, поглотившіе львиную долю трудовыхъ плодовъ бѣдняка, люди чувства и словъ, рисовки и пустого тщеславія — они громко вздыхали, съ пафосомъ бія себя въ грудь, говорили на шумныхъ собраніяхъ о нуждахъ голоднаго брата — и получали исправно доходы съ помѣстій, имѣній, домовъ, и считали большіе оклады и—создавали проектъ за проектомъ объ улучшеніи быта голодныхъ...

Они раздѣлились на партіи. Съ пѣной у рта, во всеоружіи печатнаго слова, они приводили свои непреложныя теоріи, доказывали цѣлесообразность ихъ средствъ, разбивали упорство противниковъ — и вновь получали оклады, и вновь, въ часы долгаго досуга, коротали они время среди довольства и роскоши, на послѣднія крохи голодающихъ, измученныхъ братьевъ,—а живое дѣло насущной помощи отодвигалось на дальній, недостижимый горизонтъ...

И снова нарождались шумныя партіи, и вновь лились потоки

возвышенныхъ словъ,—а тамъ, въ глуши потонувшей въ снѣгахъ деревни, длилась агонія смерти, и жалкая жизнь замирала въ борьбѣ съ ужасающимъ призракомъ.

Они голодали...

Азоръ.

Пронесся вихрь—и разрушеніе, И смерть съ собой онъ всюду внесъ... Но всежъ желаннаго спасенія— Онъ не принесъ, онъ не принесъ!

Исчезъ туманъ, исчезли грезы, И воцарилось жизни зло, И крозы лилась, и лились слезы, И вѣру въ счастье унесло.

Пройдутъ года. Умолкнуть страсти, И жизнь спокойная придетъ... Терпи-жъ, народъ, лишенный власти, Терпи—и съ вѣрой жди свободъ!..

ники... такъ сказать, безъ прецедента... А по точному смыслу статьи... нумеръ такой-то...

Но тутъ молодой Годъ спохватился и быстро заговорилъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ.

— Э! да онъ ина счетъ статей-то, того...—пронеслось у меня въ головѣ,—номеръ такой-то такой-то!

И вдругъ глаза мои совершенно прозрѣли: вмѣсто наряднаго милаго юноши, какимъ представалъ мнѣ сразу новый Годъ,—я увидѣлъ слабенькаго старикашку, одѣтаго въ грязныя лохмотья съ бумажными украшеніями. Въ одной рукѣ держалъ онъ шутовскій колпакъ, а въ другой—остроотточенную пашку, съ которой струились багровыя капли.

— Хе-хе,—залился онъ старческимъ хохотомъ,—небось, совсѣмъ не ожидалъ?.. Подъ пьянымъ хмѣлькомъ, въ вѣчномъ самообманѣ—вы охотно принимали меня за младенца... Хе хе!.. Ну-что-жъ, такъ и быть, ступай ко мнѣ въ адъютанты!..

И началась моя новая жизнь.

Грядущая судьба людей потеряла для меня всякую таинственность и неопредѣленность. Я видѣлъ, какъ новый Годъ преспокойно рылся въ архивахъ, когда собирался создать что-либо „новое“. И тысячи дѣлъ, переносившихся изъ года въ годъ, продолжали оставаться нерѣшенными и не реализованными. И миллионы проклятій старому Году сливались съ дифирамбами новому...

— Не вѣдаютъ, что творятъ,—хихикалъ новый Годъ, дружески хлопая меня по плечу.

А подъ новой обложкой съ увеличеннымъ на единицу числомъ онъ продолжалъ давать старое, всѣмъ знакомое и близкое...

Коко изъ „ка-детовъ“ перешелъ въ „к. к. к.“ — комитетъ краснаго Креста — и сдѣлался еще большимъ покровителемъ кающихся магдалинъ.

„П. п. п.“ — партія правового порядка — образовала самостоятельное отдѣленіе на Мойкѣ, подъ вывѣской: „партія патріотическихъ провокаторовъ“, и приобрѣла обширный запасъ гороховыхъ пальто для своихъ дѣйствительныхъ членовъ.

„Эсь-эры“ и „эсь-дети“ окончательно утвердились на казенномъ иждивеніи, снова дѣятельно принявшись за азбуку „выстукиванья“.

И, наконецъ, самъ новый Годъ образовалъ политическую партію, сообщивъ мнѣ на радостяхъ ея названіе.

— „С. с. с.“ — съ торжествомъ произнесъ онъ, — разгадай-ка, любезнѣйшій!

— „Срывайте солидную субсидію“, — собирался было я предположить.

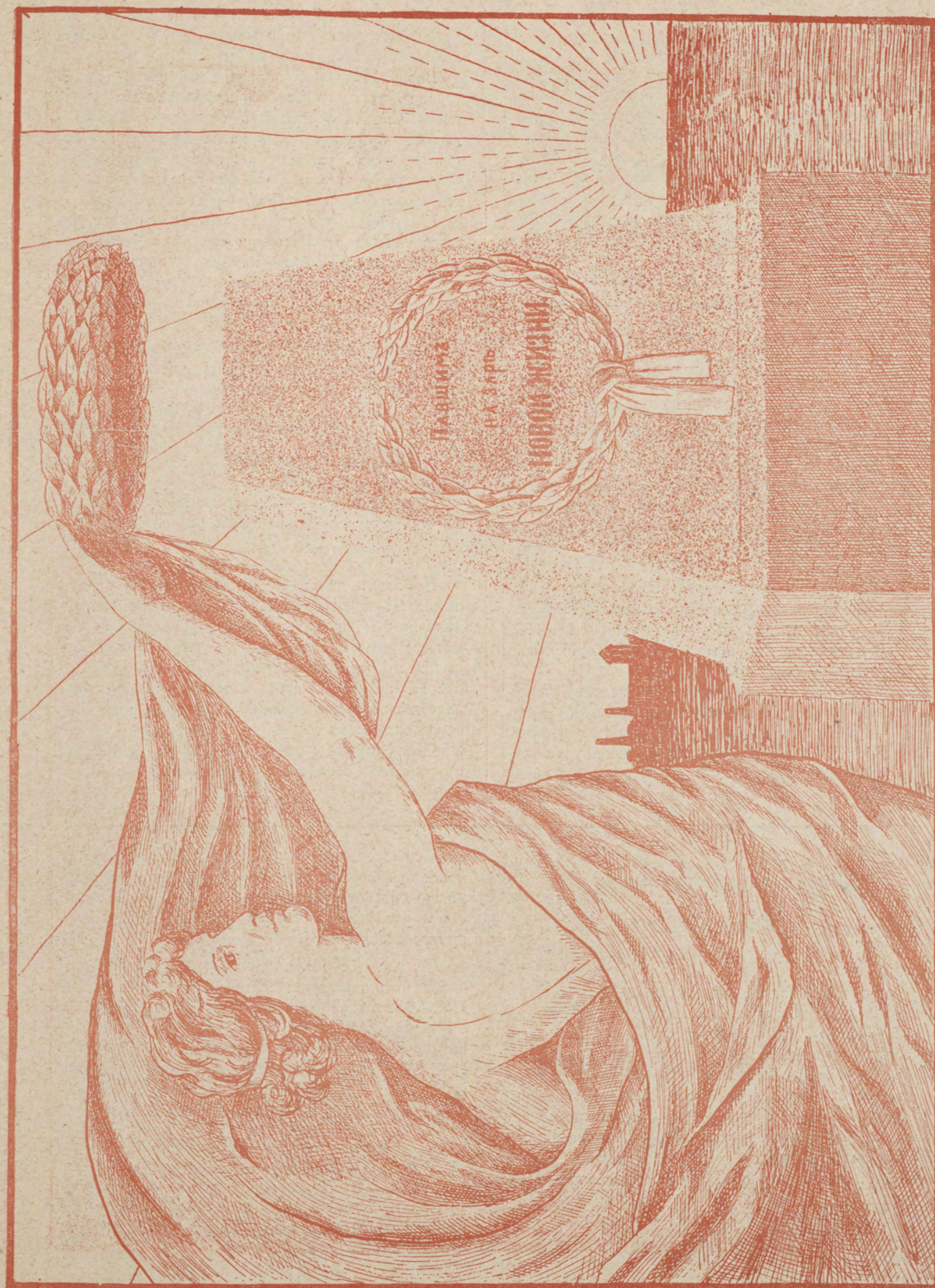
Но въ это время новый Годъ показалъ мнѣ медаль, и я на лицевой сторонѣ ея изобразилъ:

„Соблюдайте сугубо Самодержавіе!“ а на оборотной сторонѣ ея значилось:

„Свободы сыны, соединяйтесь!“

И новый Годъ захихикалъ старческимъ, надтреснутымъ смѣхомъ.

Адъютантъ.

Жертвы.

Снѣжинки падали безмолвно и непрерывно... Въ фосфорическомъ свѣтѣ электрическаго фонаря онѣ—холодные и бездушныя—рѣяли милліардной толпою, то соединяясь въ пушинки, то быстро обгоняя другъ друга. И чудилось, что это—крохотныя, одухотворенныя существа, о чемъ-то таинственно перешептывающіяся, то соединяясь для общаго совѣщанія, то съ порученіями отправляясь во всѣ стороны.

А городская окраина была глуха и безлюдна, и топотъ шаговъ заглушался пеленой пушистаго снѣга...

Изъ-за угла показался человѣкъ, обвелъ взоромъ пустынную улицу и осторожными шагами двинулся впередъ. Внутренняя пачка, которую держалъ онъ въ рукахъ, стѣсняла его. Онъ съ безпокойствомъ оглядывался по сторонамъ, и губы его судорожно шептали:

— Пронести бы... чтобы не встрѣтиться... А вѣдь здорово, чортъ возьми, тутъ написано!...

Онъ крѣпче прижалъ пачку лѣвой рукой, между тѣмъ какъ правая ощупывала рукоятку револьвера въ карманѣ.

— Стой!...

Изъ-подъ воротъ отдѣлилась фигура и, не спѣша, направилась человѣку на встрѣчу.

— Стой!.. у тебя тамъ что?.. въ пачкѣ-то!..

Человѣкъ быстро кинулся черезъ дорогу, весь озаряемый яркимъ свѣтомъ фонаря.

— Остановись, — полетѣлъ ему голосъ въ догонку, — или буду стрѣлять!

— И я буду стрѣлять, — отвѣтилъ уходящій.

Блеснулъ огонекъ, послышался сухой трескъ, — и человѣкъ, схвативъ себя за руку, уронилъ пачку въ снѣгъ.

— Проклятье, — прошипѣлъ онъ и, въ свою очередь, выстрѣливъ, но, пораженный второй пулей, свалился въ тотъ-же моментъ...

Вновь наступила тишина, прерываемая лишь глухимъ топотомъ быстро приближающихся шаговъ. Снѣжинки падаютъ безмолвно и непрерывно, образуя грязныя пятна подъ фонаремъ, гдѣ изъ двухъ ранокъ подъ пачку сочится кровь человѣка, и на узкую панель, гдѣ пластомъ неподвижно лежитъ фигура...

И чудится, что теперь уже не совѣщаются снѣжинки въ ослѣпительномъ свѣтѣ фонаря, а кружатся въ бѣшенномъ пляскѣ, то обнимаясь въ беззвучномъ, гомерическомъ хохотѣ, то разлетаясь во всѣ стороны съ радостной, демонической вѣстью...

И—холодные и бездушныя—онѣ упорно стараются покрыть грязныя пятна, расплывающіяся около навѣки замолкшихъ людей...

Сфинксъ.

— Когда даны будутъ реформы?

— Ко второму пришествію!

— Да когда же—второе пришествіе?

— А вотъ, когда даны будутъ реформы!..

На этихъ дняхъ въ судебной палатѣ будетъ слушаться чрезвычайной сложности политическое дѣло по обвиненію крестьянина Тверской губ. и уѣзда Прохора Семичудова въ томъ, что, во время чтенія, въ портерной лавкѣ, приказа адмирала Дубасова, позволилъ себѣ въ присутствіи случайно находившагося тамъ полицейскаго чина произнести односложное „гм“...

Дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Лекція профессора Н. *).

Лекція вторая.

..... членомъ Госуд.—аго Совѣта?

Среди различнаго рода обязанностей, проявляемыхъ всевозможными „членами“, функція вышеупомянутыхъ членовъ характеризуется, главнымъ образомъ, своей исключительной бездарностью и бездѣятельностью. Чтобы обнаружить эти два похвальныхъ достоинства, а, слѣдовательно, и достигнуть сего высокаго званія, необходимо возможно нагляднѣе проявить свою бездарность на всѣхъ ступеняхъ общественно-государственной лѣстницы... Но бездарность не представляетъ собой

См. „Сѣкира“ № 2.

спеціальности, — и въ „члены“ поэтому могутъ попасть всѣ обыватели Россійской Имперіи, какъ можно больше принесшіе ей вреда и урона... Въ семъ послѣднемъ случаѣ оклады возрастаютъ прогрессивно.

Примѣчаніе. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ членовъ съ такъ называемыми „членами С. Р. Д.“. Послѣдніе также получаютъ отъ казны помѣщеніе, съ карауломъ, а, вмѣсто оклада, имъ довольно щедро накладываютъ. Чтобы сдѣлаться „членомъ С. Р. Д.“, достаточно возомнить себя единственнымъ спасителемъ отечества, причемъ знаніе рабочей марсельезы наизусть — обязательно.

IV. Какъ сдѣлаться генераль-губернаторомъ?

Практика жизни сдѣлала здѣсь большіе успѣхи, — и теоріей мы отнюдь руководиться не будемъ.

БАСНЯ.

— Не хорошо живетъ мой братъ, — Сказалъ Илья сосѣду
Что толку въ томъ, что онъ богатъ —
Къ нему я не поѣду.
Не чтить онъ дѣдовскій законъ,
Не уважаетъ правилъ,
Сибирку, лапти бросилъ онъ,
Дѣтей учить заставилъ...
И поглядѣть — такъ прямо страхъ, —
Упасть ему съ вершины:
У брата даже на поляхъ
Работаютъ машины!
Въ рѣчахъ — не видно простоты,
Съ замкомъ нѣмецкимъ клѣти,
И говорятъ ему на „ты“
Его родныя дѣти.
Заводъ открыли удалцы
Для обработки пакли...
Да наши — дѣды и отцы
Скажи, братъ, жили такъ-ли?!“

* * *

— Не хорошо живетъ Илья, — Сказалъ Степанъ про брата:
Взглянуть — такъ бѣдствуетъ семья,
Валиться стала хата.
И передъ нимъ никто не смѣй
Въ семьѣ возвысить слова,
Себя считаетъ всѣхъ умнѣй —
Чуть что — и плетъ готова!
Дѣтей не учить, а батракъ
Его же за носъ водить,
Не любить школу, а въ кабакъ
И самъ, и дѣти ходить.

Все иноземное за грѣхъ
Великій почитаетъ,
И въ темнотѣ своей прорѣхъ —
Совсѣмъ не замѣчаетъ.
Хорошъ въ семьѣ авторитетъ,
Коль все вести умѣло,
А разъ въ мозгахъ работы нѣтъ —
Такъ развѣ въ этомъ дѣло?!

Актеонъ.

Глядитъ въ глаза кровавый призракъ смуги,
Не молкнетъ стонъ убійственной рѣзни...
Но—вѣримъ мы—придугъ, наступятъ дни, —
И жизнь сорветъ стѣсняющія пути.

* * *

Притупятся желѣзные ножи,
Изломатся заостренныя копыя;
Истлѣвъ, спадутъ ненужныя отрепья —
И истина смететъ остатки лжи.

* * *

Тогда утихнутъ гнѣвъ грозы народной,
Спадетъ туманъ, блеснетъ надеждой взоръ,
И къ родинѣ, отринувшей позоръ,
Миръ снизойдетъ и ясный, и свободный.

* * *

И мы приходъ его благословимъ,
Какъ чудный даръ, какъ съ неба милость Божью,
И, миновавъ тропы по бездорожью,
Сойдемъ къ путямъ достойнымъ и благимъ.

Леонидъ Афанасьевъ.

Различаютъ видъ сухопутнаго и морского генераль-губернаторовъ. Изъ нихъ — первый развѣзжаетъ въ кареткахъ скорой помощи съ кровавымъ крестомъ на дверцахъ, — второй весь, съ крестами, окунувшись въ крови и предпочитаетъ сидѣть дома. Специальность ихъ — трепать, дубасить, скалить (разумѣется, зубы). Чтобы сдѣлаться таковымъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, перешагнуть черезъ 9-ое Января или побывать въ губерніяхъ съ аграрными недоразумѣніями... Впрочемъ, за послѣднее время только лѣнивый не дѣлается генераль-губернаторомъ, а въ остзейскомъ краѣ всякій вооруженный обыватель исполняетъ функція таковаго, казня и милуя, вѣшая и разстрѣливая, диктуя правила и законы — внѣ всякихъ законовъ и правилъ.

V. Какъ сдѣлаться флигель-адъютантомъ?

Для этого нужно быть героемъ Чемульпо. Но

вѣрнѣе быть героемъ Гороховой улицы въ функціи гороховаго пальто. И послѣднее, дважды выгоднѣе, ибо:

1, герои Чемульпо нерѣдко лишаются этого почетнаго званія, а гороховые получаютъ сугубую благодарность — и

2, при Чемульпо приходится имѣть дѣло съ японцами, что не всегда безопасно, — на Гороховой-же врагъ — свой, такъ сказать, — *ближній*...

(Продолженіе въ слѣдующемъ №-рѣ)

Завѣдующій курсами

профессоръ Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ гильзахъ „ГОНДОЛЬЕРЪ“ соблюдены главныя санитарныя условія. Итальянская бумага изъ чистой клѣтчатки и проклейка ея безъ азотистыхъ органическихъ веществъ.

фабрика „Гондольеръ“.

ГРАММОФОНЫ

А. БУРХАРДЪ

НЕВСКИЙ 0; ОТД. УЛ. ГОГОЛЯ

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

С. П. Б.

Отъ редакціи. Литературный и художественный матеріалъ, присылаемый въ редакцію, долженъ быть съ обозначеніемъ имени, фамиліи и адреса автора, а также и условій гонорара, безъ чего матеріалъ оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются.

Редакторъ для личныхъ переговоровъ принимаетъ ежедневно отъ 10 до 12 час. дня.

Типографія и переплетная Ю. А. Мансфельдъ, улица Гоголя, 9

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

на еженедѣльный, литературно-сатирический, обоюдоострый и правдивый журналъ

„СЪКИРА“

№ 1 разошелся весь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ № 2.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на 12 мѣс. 4 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Объявленія за строку непарели въ
1/3 страницы 50 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ:
С.-Петербургъ, 4-я Рождественская ул., № 14.

Редакторъ-Издатель М. М. Бродовскій.

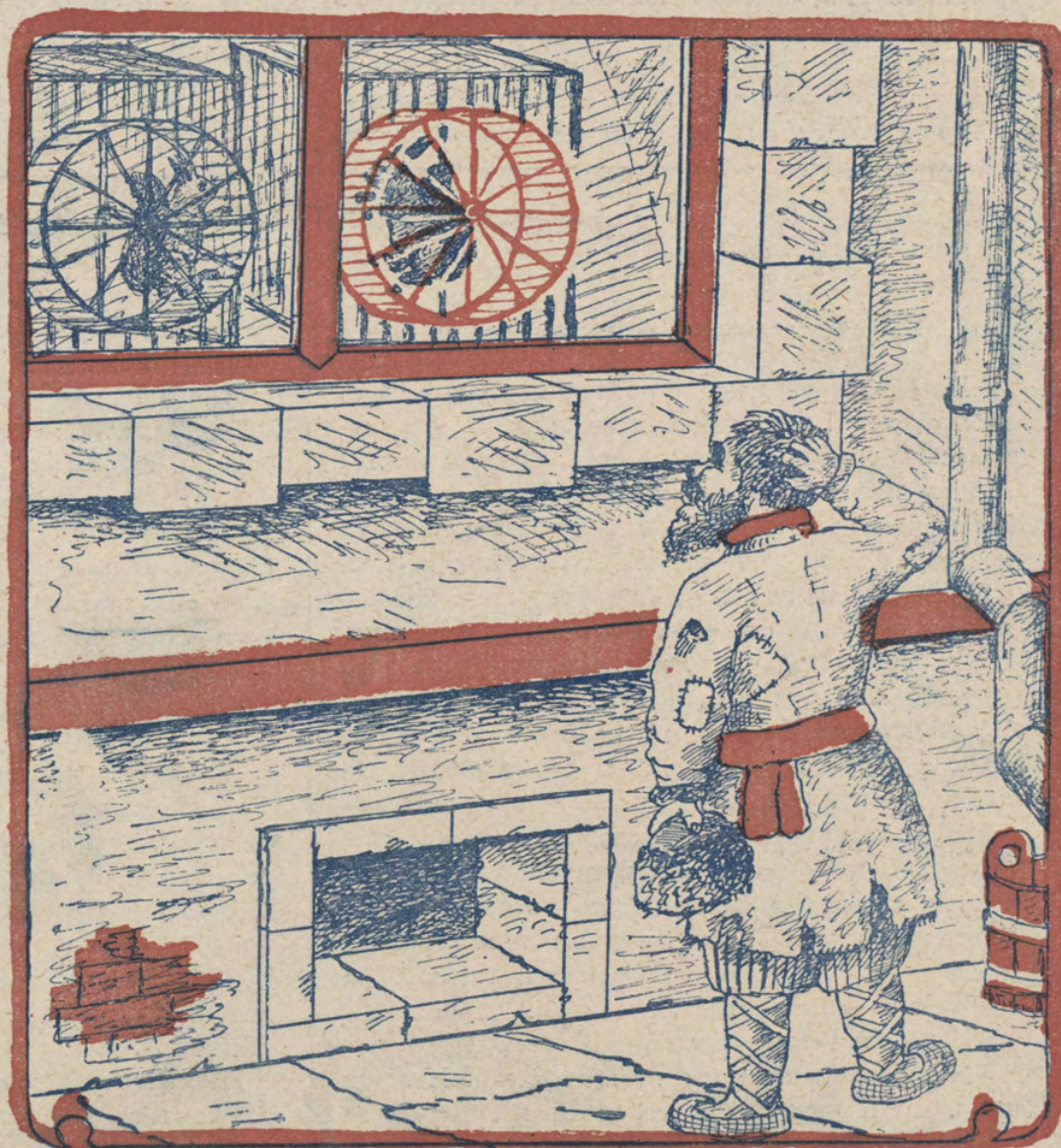
СЛЮЖИРА

Журналъ Литературно-
сатирическій, обоюдоострый и правдивый

№ 4.

13 Января 1906 г.

Годъ изданія I.

Ишь, ихъ ломаетъ, сердешныхъ: и вправо, и влѣво... А все на мѣсть!..

Редакция доводит до свѣдѣнія гг. читателей „Сѣкиры“, что, начиная съ № 5 журнала, она, наряду съ политическими вопросами дня, будетъ удѣлять свое вниманіе и общественной жизни какъ столицъ, такъ и провинціи.

Пѣснь жаворонка.

...Проснулся жаворонокъ — и хлопотливо сталъ расправлять свои усталыя крылышки.

Онъ оглянулся. Кругомъ безпредѣльно тянулись луга и пажити. Плугъ земледѣльца избороздилъ уже всю окрестность, и плодородная земля ждала лишь благодатнаго сѣмени. Въ чистой атмосферѣ таяли весенніе ароматы, и причудливыя очертанія облаковъ расплывались въ необъятномъ пространствѣ.

На востокѣ пурпуромъ алѣли небеса...

И взвился жаворонокъ надъ просыпающейся землею — и звонкой жизнерадостною пѣсней приготовился встрѣтить онъ занимающую зарю весны...

Но вдругъ сильный порывъ вѣтра прервалъ его на первомъ звукѣ. Грозовые тучи неожиданно заволокли небосклонъ, и первые раскаты грома гулкимъ эхомъ отозвались въ горахъ и ущельяхъ. Какія-то вспугнутыя птицы безсмысленно замата-

лись въ пространствѣ, во страхѣ неистово нападая другъ на друга...

И жаворонокъ тяжело грохнулся о землю, — и маленькое тѣлцо его судорожно затрепетало...

Но уже яркій лучъ солнца выдвигался изъ-за сѣрыхъ облаковъ, — и свѣтъ дня вступилъ въ единоборство со мглою.

Собираясь съ силами, трепетно перебирая крылышками, вздохнулъ полной грудью жаворонокъ — и вновь взвился онъ, чтобы запѣть свою весеннюю пѣсню...

Сфинксъ.

Исповѣдь избирателя.

Найдена у подъѣзда Таврическаго дворца.

Въ одно прекрасное утро я проснулся и всталъ избирателемъ! Не буду описывать, какъ это случилось. Мои предки татарскими баскаками не числились и ханскаго праведжа на Руси святой не выколачивали... И въ моихъ жилахъ не течетъ поэтому благородная кровь... А попросту я — російскій мѣщанинъ, довольно исправный налогоплательщикъ и, въ случаѣ надобности, общающійся не выше, чѣмъ съ надзирателемъ своего окологда... И хотя племянничекъ, прѣбывавшій изъ Женева и скоро увезенный въ одну прескверную ночь куда-то въ тартарары, — хотя онъ и величалъ меня „гражданиномъ“ и упорно не признавалъ никакихъ графскихъ и княжескихъ преимуществъ, — но все же булыгинская предусмотрительность твердо указала мнѣ мое мѣсто въ средѣ одухотворенныхъ тварей природы: въ сонмѣ вершителей судебъ родного отечества мнѣ отведена была лишь роль — созерцателя!..

И вдругъ — избиратель!..

Я сразу прикинулъ: не подвохъ-ли? Мало-ли на какія штуки пускаются, чтобы крамолу-то за-

шиворотъ спалаты!.. Но меня и дворникъ поздравилъ:

— Съ правами васъ, ваше—ство! На чаекъ-бы съ вашей милости...

А Никандръ Павлычъ, такъ тотъ даже въ азартъ вошелъ и цѣлковый серебромъ взаимно выклянчилъ.

— Какже-съ: російскій избиратель-съ! Гражданинъ въ нѣкоторомъ смыслѣ-съ!.. Одинъ изъ столповъ отечества...

А я и впрямь почувствовалъ свою мощь. Смыслъ грядущихъ событий, признаться, былъ для меня еще туманенъ и далекъ, но, какъ Божій день, ясно стало, что дѣло близится къ вождѣлѣнной развязкѣ. А ужъ тамъ, въ Думѣ, посмотримъ! То есть, все, какъ, есть, до ниточки... разберемъ да обсудимъ...

И вдругъ — революціонеры!

Имѣ, видите ли, Дума-то не потрафила! Говорить: бойкотъ и прочее... Да за что это, помилуйте? То-ись, никакъ, родимые, въ толкъ не возьму! Бились это люди, въ кои-то вѣки вымолили, а они: бойкотъ, — знать, пришлось по вкусу словечко-то! Вѣстимо, люди отпѣты! Такъ и норовятъ тебѣ ножку подставить... Ну, шалишь! чья-то верхъ возьметъ!..

Какъ почувствовалъ я право свое, — прямымъ алюромъ въ участокъ.

Лиса, Пѣтухъ и Орелъ.

(Басня).

Случайно встрѣтившись съ Лисою, Пѣтухъ ей говоритъ:— „Ахъ, Лисанька, мой свѣтъ! Сама судьба свела меня съ тобою,

Съ разумницей такою!

Вѣдь ты мудрѣе всѣхъ... Такъ дай же мнѣ совѣтъ: Какъ быть? Совсѣмъ житья отъ повара не стало!

Онъ не жалѣетъ насъ ни мало

И рѣжетъ каждый часъ...

Рѣкою льется кровь въ курятникѣ у насъ“.

— „Бѣдняжки!“ — Пѣтуху Лисица отвѣчала,—

„Ужъ я давнымъ-давно за васъ

Душою скорбною болѣю...

Но не тужи, я вамъ помочь съумѣю!

Пойдемъ ко мнѣ въ нору,

Я дѣло ваше разберу...“

Пошли... Не знаю достовѣрно,

О чемъ и какъ у нихъ бесѣда шла,—

Но, видно, дѣло было скверно:

Общипанный чуть-чуть не до-гола,

Пѣтухъ съ трудомъ отъ Лисаньки убрался

И съ жалобой къ Орлу, едва дыша, побрелъ.

„Простакъ!“ — сказалъ ему Орелъ,—

„Дивлюсь я, какъ ты живъ остался!

Кто-жъ въ этикихъ дѣлахъ

Съ Лисой совѣтоваться станеть?

Летимъ ко мнѣ... Тамъ, въ снѣговыхъ горахъ,

Тебя твой поваръ не достанеть...“

Не сталъ раздумывать Пѣтухъ
И на спину Орла доверчиво взобрался.
Но только-что Орелъ съ нимъ въ облака поднялся,
У Пѣтуха вдругъ захватило духъ,
Бѣдняга со спины совѣтника свалился
И въ безднѣ вдребезги разбился.

Иной совѣтъ и честенъ, и уменъ,
Но не всегда къ добру приводитъ онъ...

Кай Цезарь.

— Такъ и такъ, — говорю, — избиратель-съ!..

Надоумили они меня, направили, куда слѣдуетъ. Записался.

— Ну, а насчетъ срока-то, — любопытствую. — Ужъ январь на носу! Кажись бы, того...

Посмотрѣлъ на меня господинъ въ очкахъ, не то ухмыльнулся, не то постную рожу съобезьяничалъ, да и толкнулъ сосѣда въ бокъ.

— Смотри, дескать, что за дуракъ объявился!

Тутъ и взяло меня сомнѣніе... на счетъ правильности этой самой... Допытывался, гдѣ можно, — и часъ отъ часу не легче. Говорятъ, Дума отложена... Потому, кресла заказаны... срокъ для изготки нуженъ... А по мнѣ, такъ и табуретъ хорошъ! Была-бы только голова на плечахъ, а то — въ креслахъ-ли спасенье отечества?.. Потомъ, говорятъ, узоры: на потолкахъ тамъ, что ли, али гдѣ... А, по сей причинѣ, Думу-то ее, сердечную, на февраль, а то и на апрѣль, на май чуть ли не... Что же это, прости Господи: уже не заодно ли съ революціонерами? Да гдѣ же она, правда-то?..

Сунулся я къ Иванъ-Карпычу: онъ у насъ человѣкъ знающій!

— Что-же это ты, — говоритъ, — чего беспокоишься? Мы вотъ и съ правами всѣ, тоже, небось, грамотные... А и не записывались вовсе! Намъ это на что? Одна забава-съ! Из-би-ра-тель!.. Да, въ

случаѣ чего, такого тебѣ избирателя законопатятъ, что своихъ не узнаешь! Внукамъ и правнукамъ закажешь!.. Тебѣ говорю: брось! Пусть ихъ, кому охота, балуетъ!..

— А насчетъ правды-то? Народъ бѣдствуетъ... Кто посильнѣй, тотъ и право забралъ... Не гоже это, Иванъ Карпычъ!

А онъ только ухмыляется да бороду поглаживаетъ.

— Юнъ ты еще, братецъ, — да и кровь у тебя больно горячая! Не намъ съ тобой до правды добраться! Лежитъ она, родимая, глубоко, на днѣ морскомъ зарыта, за семью печатями заколочена, и хранить ее злое чудовище многоглазое... А у насъ одна только подѣлка! И блеснуть эдакъ передъ носомъ подѣлкой-то — да и спрячутъ, — и пойдеть у нихъ вновь все по старому да по родимому... Знать, не пробить еще часъ...

И, разбитый, поплелся я во свояси, и въ головѣ не отставала назойливая мысль:

— Революціонеры-то забраковали, правительство въ долгій ящикъ запрятало, а свой братъ и знать ничего не хочетъ, — какъ-же тогда насчетъ правды-то — на святой Руси?..

Избиратель.

Новый Беранже.

(Изъ неизданныхъ пѣсенъ).

Когда за окошкѣмъ бушуетъ мять, —
Со скрипомъ качается старая ель,
И снѣжная вьюга рыдаетъ, стена, —
Справляйте поминки — я умеръ, друзья!
Когда-же въ нашъ край, непривѣтливый край
Влетитъ легкокрылый, сияющій Май
Съ душистой кошницей весеннихъ даровъ,
И сброситъ Нева свой холодный покровъ —
— Славу Богу, я живъ и здоровъ!

* * *

Когда о тяжелой, крестьянской нуждѣ
Къ великой печали, къ великой бѣдѣ,
Толкуютъ вельможи, толкуютъ князья, —
Справляйте поминки — я умеръ, друзья!
Когда-же послышится въ синей дали
Мнѣ голосъ „раба неродящей земли“
Гремящій призывомъ, подъ грохотъ оковъ,
Что все за отчизну отдать онъ готовъ —
— Славу Богу, я живъ и здоровъ!

* * *

Когда о свободѣ желанной подчасъ
Въ тиши кабинетовъ толкуютъ у насъ
Всесильные люди, тревогу тая, —
Справляйте поминки — я умеръ, друзья!
Когда-же свобода рисуется мнѣ
Незыблемымъ солнцемъ въ ликующемъ днѣ,
Среди-ли работы, среди-ли пировъ,
Безъ ржавыхъ цѣпей и позорныхъ оковъ —
— Слава Богу, я живъ и здоровъ!

Антеонъ.

„Подъ звуки Шопена“.

Въ эти дни.

Ни свѣтъ, ни заря надъ столицей,
Намъ душу сомнѣнія жгутъ...
И сѣрые дни вереницей
Надъ нами печально плывутъ.
Ненастная изморозь... Слякоть...
Туманомъ подернута даль,
Такая повсюду печаль,
Что хочется, кажется, плакать.
Ни думъ о весельи, ни грезъ,
Насъ давить тяжелое бремя...
Что слезы?... да намъ въ это время
Не хватить и слезъ!

* * *

Ни свѣтъ и ни тьма надъ Россіей...
Что день — то печаль отъ потерь,
Какъ будто кровавой стихіей
Всю Русь захлеснуло теперь.
Ужель намъ съ минувшею славой
Проститься на вѣкъ суждено? —
Безъ умолку дождикъ кровавый
Намъ хлещетъ и хлещетъ въ окно.
Какъ будто безстрастный, холодный,
Въ могилу толкаетъ насъ рокъ...
Ужель не изсякнетъ народный
Кровавый потокъ?!

Гу—ярь.

99%.

Чума близъ русской границы;
смертность 99 процентовъ.
Изъ газетъ.

Чтобъ крамолу вырвать съ корнемъ изъ предѣловъ государства, былъ объявленъ строгій конкурсъ по измученной странѣ.

И предъ грознымъ трибуналомъ другъ за другомъ появились усмирители лихіе и „орудій“ цѣлый рой.

— Я, — нагайка просвистѣла, — успокаиваю лихо, вмигъ собранья разгоняю, а ужъ ранъ — процентъ большой!

— Я, — сверкнула шашка дико, — по чему попало, рѣжу, и ужъ треть сраженныхъ вѣрно попадаетъ прямо въ рай!..

— Я, — пропѣла пуля рѣзко, — бью крамолу прямо въ сердце, кровь безъ мѣры проливаю, и процентъ мой тоже не малъ!

— Честь и мѣсто пулемету, — прогремѣло средь собранья, — въ адъ двѣ трети кандидатовъ вѣдаю навѣрно я!

Пушка только пасть раскрыла и зловѣще оглянулась... Ждетъ награды, поощренья усмирителей толпа.

Но нахмуренныя лица членовъ грозныхъ трибунала думой мрачною покрыты — и молчать, молчать уста.

— Выдать всѣмъ по аттестату, — вдругъ раздался голосъ рѣзкій, — и снабдить ихъ всѣ печатью изъ запекшейся крови...

Благодарность всѣмъ большая... Но достойную награду, больше всѣхъ получить нынѣ — тотъ, кто дастъ процентовъ сто!

Пало духомъ все собранье... Пуля, шашка и нагайки, пулеметъ и жерло пушки — зажмурили лишь глаза.

— Чертъ возьми!.. всѣ сто процентовъ!.. Какъ бы такъ ужъ ухитриться!.. Можно ли усерднѣй браться за дѣла, чѣмъ до сихъ поръ?..

— Можно! — вдругъ раздался голосъ, — я могу давать процентовъ девяносто девять вѣрныхъ! А далеко-ли до ста?!

И — въ крови, во смрадныхъ язвахъ, — съ мрачнымъ торжествомъ побѣды, средь нѣмой толпы предстала — смертоносная чума!

И раздался хоръ согласный восхищеннаго собранья: *«Девяносто девять вѣрныхъ, а далеко ли до ста!..»*

Оставшійся процентъ.

Лекція профессора Н. *).

Лекція третья.

Какъ сдѣлаться агентомъ охраннаго отдѣленія?

Охранное отдѣленіе въ Россіи, разросшееся въ громадное учрежденіе, въ которомъ уже вся Россія представляетъ собою лишь скромное отдѣленіе, — имѣетъ своимъ назначеніемъ, какъ это явствуетъ прямо изъ его названія, «охрану» російскихъ обывателей. Лицо, сподобившееся быть «привезеннымъ» въ это учрежденіе, охраняется во 1, отъ порчи молвою, съ каковою цѣлью оно усердно и успѣшно выколачивается въ любой моментъ дня и ночи, и во 2, отъ развѣданія злыми вѣяніями, для чего общеніе съ вышнимъ міромъ цѣлкомъ замѣняется для него особой опредѣленной вѣяніи, уменьшительно прозываемой «парашей»... При охранѣ же — обширныя станиці для культивизаціи опыт-

нымъ путемъ всевозможныхъ болѣзней, до бугорчатки включительно, причемъ изготовленіе живыхъ мумій доведено до *pes plus ultra*, составляя патентованную специальность. Чтобы наглядно, въ цифровыхъ данныхъ, сразу представить себѣ возрастающую цѣнность опекаемыхъ такимъ родомъ субъектовъ, достаточно сказать, что уже первые дни выдержки ихъ подъ «охраной» повышаютъ нарицательную цѣну каждаго изъ нихъ до 10,000 рублей и выше, даже не взирая на то, что въ жизни, за «предѣлами досягаемости» охраны, эти лица были всего лишь редакторами!

Разнородная дѣятельность членовъ охраны, въ общегити называемыхъ «сыщиками», требуетъ и количественнаго, и качественного достоинства ея кадровъ. Поэтому вся Россія дѣлится теперь на сыщиковъ, составляющихъ подавляющій элементъ населенія, и не-агентовъ, которыхъ сыщики, для краткости, окрестили однимъ именемъ «крамольниковъ».

Въ свою очередь, агенты распадаются на тайныхъ и явныхъ. Изъ нихъ первые тщательно скрываютъ свои функціи, но ихъ легко распознать по цвѣту пальто (гороховое), весьма подозрительнымъ

Два брата.

Сказочка.

У одного отца было два сына: одинъ „себѣ на умѣ“, а другой революціонеръ. Выросли они большими и отправились въ путь-дорогу работы искать. Шли они вмѣстѣ недолго и пришли вдругъ къ перекрестку дорогъ: одна дорога вправо идетъ и отлогая, другая — влѣво, крутая. Тотъ, что „себѣ на умѣ“, не долго думая, повернулъ вправо и брата съ собой приглашаетъ: „идемъ, молъ, вмѣстѣ: дорога знакомая, — потихоньку, да полегоньку дойдемъ!“.

Но второй братъ не идетъ и, въ свою очередь, брата тянетъ:

— Иди со мной! дорога хоть и крута, да ведетъ ближе къ цѣли! живо подыдемся вверхъ, коли другъ-другу помогать станемъ!

Не послушался братъ „себѣ на умѣ“. Поругались они крѣпко да и разошлись: „себѣ на умѣ“ — вправо, другой братъ — влѣво.

Идутъ, да дорогой поругиваются.

— Смотри, братъ, какъ-бы шеи не скрутилъ, — кричитъ „себѣ на умѣ“, — вернись, пока не поздно!

А тотъ не дается:

— Да ты лучше со мной! Живо вмѣстѣ дойдемъ!

Звали они другъ друга, а послѣ и звать перестали: больно разошлись уже ихъ дороги.

Долго ли, коротко ли шли они, а „себѣ на умѣ“, куда стремился, пришелъ, домкомъ обзавелся, устроился, а о братѣ и думать забылъ: очень уже дѣлъ много набралось!

А другой братъ и понинѣ въ пути. Сорвется внизъ, ушибется сильно, но подымается — и снова впередъ, — и такъ изо дня въ день парается онъ по кручѣ...

Азъ.

физиономіямъ (см. «Животныхъ» Брема) и непромокаемымъ плащамъ казенно городского образца, съ которыхъ предусмотрительно сняты погоны, но оставлены тесемки для прикрѣпленія этихъ погонъ. Вторые же, наоборотъ, хоть и брасаются въ глаза своею дѣятельностью, но всѣ дѣлаютъ видъ, что ихъ, какъ таковыхъ, не замѣчаютъ совсѣмъ, а продолжаютъ величать случайно присвоенными имъ посторонними званіями: приставовъ, полиціймейстеровъ, губернаторовъ и проч. и проч.

И, какъ это вообще наблюдается въ жизни, между охраняющими и опекаемыми замѣчается крайній антагонизмъ, истекающій изъ того, что сыщики желаютъ какъ можно больше опекать, а крамольники... крамольники... кому-же, господа, неизвѣстно, чего добиваются крамольники!..

Дѣятельность въ званіи сыщика требуетъ предварительно:

1, практическаго усвоенія курса уголовныхъ наукъ, начиная съ заимствованія чужихъ платковъ и кончая, по меньшей мѣрѣ, тюремнымъ заключеніемъ за кражу со взломомъ и кровопусканіемъ.

2, твердости характера и темперамента, гра-

* * *

Пусть тучи сдвигаются, слышится громъ
И сыплются молніи яро, —
Мы смѣло къ намѣченной цѣли идемъ
Сквозь давящій хаосъ кошмара.

Побѣда — въ упорствѣ сплотившихся силъ,
Въ движеніи и натискѣ твердомъ!
И тотъ, кто сберегъ неистраченнымъ пылъ,
Исполненъ сознаніемъ твердымъ!

Свободнымъ движеніемъ свободный просторъ!
Не терпите народъ произвола!
И свергнетъ насильниковъ дерзкій позоръ,
Какъ нѣкогда иго Монгола!

Леонидъ Афанасьевъ.

ничающаго съ эмоціями души незабвенной опричины, и —

3. беззавѣтной преданности культу нагайки. Но, изощрившись и заслуживши вниманія шефовъ, надшефовъ и подшефовъ, можно достигнуть наивысшихъ степеней «охраны» — до безконтрольнаго распоряженія секретными суммами бюджета включительно.

Примѣчаніе. Да не покажется почтенной аудиторіи непослѣдовательнымъ и случайнымъ нашъ перечень полезѣйшихъ дѣятелей, призванныхъ спасать удрученное отечество. Ибо существуетъ тѣснѣйшая, замѣтная только для посвященныхъ, связь между раньше приведенными лицами и объектами сегодняшней лекціи, которые, создавая единство мыслей и дѣйствій, столь важное въ управленіи страной, служатъ связывающимъ звеномъ между разнородными спасателями отечества...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Завѣдующій курсами
профессоръ Н.

*) См. „Сыкира“ №№ 2 и 3.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!!

(ВО ВКУСЪ).

Всѣ Эсъ-Эры и Эсъ-Деки,
Всѣ Пе-Пеки и Ка-Деки,
Покупая на расхватъ,
Дессертъ съ Каиромъ лишь курятъ.

10 шт. 6 к. 20 шт. 6 к.

ДЯДЯ МИХЕЙ.

Папиросная фабрика „А. Н. Шапошниковъ“.

Отъ конторы „СЪКИРЫ“.

Номера „СЪКИРЫ“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежомъ лишь по полученіи задаточной суммы, въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный номеръ высылается за двѣ 7-ми копѣчныя марки.

Отъ редакціи. Литературный и художественный матеріалъ, присылаемый въ редакцію, долженъ быть съ обозначеніемъ имени, фамиліи и адреса автора, а также и условій гонорара, безъ чего матеріалъ оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются.

Редакторъ для личныхъ переговоровъ принимаетъ ежедневно отъ 10 до 12 час. дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

на еженедѣльный, литературно-сатирический,
обоюдоострый и правдивый журналъ

„СЪКИРА“

№ 1 разошелся весь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ № 2

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на 12 мѣс. 4 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Объявленія за строку непарели въ
1/3 страницы 50 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ:
С.-Петербургъ, 4-я Рождественская ул., № 14.

Журналъ Литературно-
сатирическій, обоюдоострый и правдивый

№ 5.

20 Января 1906 г.

Годъ изданія I.

Потокъ.

На вершинѣ горы, упиравшейся въ небо и вѣчно окутанной сизымъ туманомъ, тянулось не-обозримое снѣжное поле. Безсмѣнный покой царилъ здѣсь средь безформенныхъ лавинъ, и холодная влага застыла въ пушистыхъ кристаллахъ. А вѣка нагромождали все массу на массу...

И вотъ горячій, жизнерадостный лучъ солнца проникъ сквозь толщу тумана, ласково погладилъ застывшую въ безмолвіи лавину и тысячей блестящихъ огней отразился въ ея волнистой поверхности... Улыбка жизни быстро смѣнила равнодушіе смерти. Мириады пушинокъ, слившихся въ громоздкую льдину, ощутили вдругъ свои природныя свойства—и мелкими кристалльными слезинками потекли по лицу изборожденной морщинами льдины. Спѣша другъ другу на встрѣчу, въ тѣсныхъ объятіяхъ, едва слышно, дѣлились они своей общою радостью.

И все громче становился ихъ восторженный лепетъ, все росла и увеличивалась ихъ движущаяся масса,—и вотъ уже узенькимъ ручейкомъ спѣшили они внизъ по горнымъ уступамъ.

— За мною, впередъ!—журчалъ ручеекъ,—мы вѣстники движенія и жизни!

И другіе ручейки спѣшили присоединиться къ нему и совмѣстно продолжать свое шумное движеніе.

— Мы вѣстники движенія и жизни!..

И грознымъ потокомъ низринулись они въ долину.

Мемуары представителя власти.

Лишенія удрученнаго отечества били по моимъ натянутымъ нервамъ, но скорбь гражданина невольно ступевывалась предъ негодованіемъ и гнѣвомъ истаго сына передового російскаго сословія. Еще въ ухахъ отдавались громовыя рѣчи членовъ родовитаго сѣзда, а на фонѣ безсмысленно горѣвшихъ усадебъ, домовъ и имѣній—рисовались зловѣщія картины безотлагательнаго, суроваго мщенія...

— Твердой власти и категорическихъ мѣръ,—въ одинъ голосъ звучали резолюціи...

И каждый изъ насъ готовъ былъ въ любую минуту на подвигъ!..

* * *

...Поездъ мчитъ меня курьерскою скоростью къ мѣсту моего назначенія представителемъ власти. Вопросъ объ освѣдомленности въ сферѣ моего новаго служенія меня не смущаетъ ни мало.

— Отцовская власть,—разсуждаю я,—во всемъ и всегда компетентна!.. А къмъ, какъ не отцами,

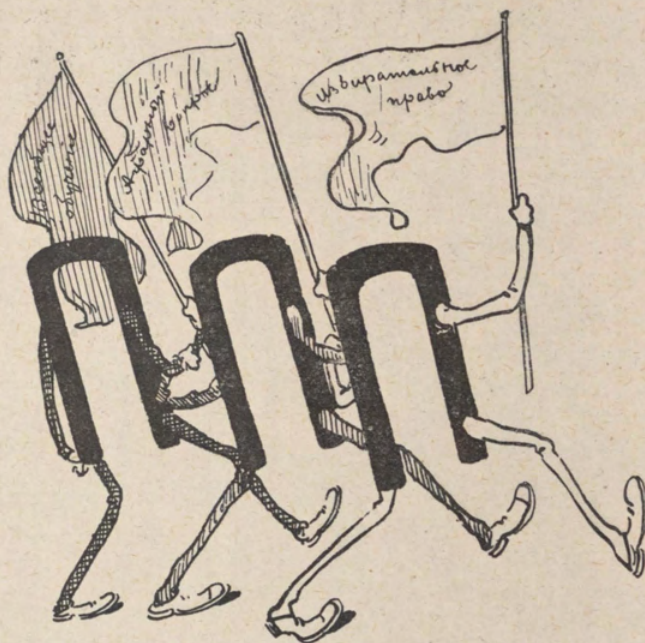
Здѣсь бурныя волны уничтожили быстро жилища и пажити—и тысячей бѣдъ обрушились на головы жителей...

Стихія неистовствовала и бушевала...

Но уже воды потока умѣрили свой неистовый бѣгъ и широкой рѣкою разлились по долинѣ.

Могучій источникъ движенія и силы—рѣка возстановила людямъ ихъ большія потери и навѣки осталась благословеніемъ для расцвѣтающаго края...

Сфинксъ.

являемся мы для строптивыхъ сыновъ непокорной страны?.. Кодексъ постановленій и правилъ, выработанный вѣками и опытомъ, теперь далеко не умѣстенъ! Въ дѣлѣ правосудія должны быть достигнуты крайніе предѣлы упрощенія...

— Виновенъ по такой-то и такой-то статьѣ,—докладываютъ мнѣ про преступника.

— Пороть!—кладу я рѣшительную резолюцію.

— И еще двое—по такой-то статьѣ!

— Пороть!..

Я быстро усвоилъ свои новыя обязанности и тутъ уразумѣлъ лишь всю простоту движеній государственнаго руля. То, что казалось неосуществимымъ и невозможнымъ, быстро облеклось у меня въ реальныя формы дѣйствительности. Жизнь вошла въ свои нормы, и всюду наступило „спокойствіе“... Призракъ суровой расправы надежнымъ постоемъ расположился въ сердцахъ непокорныхъ!

Но... (ICU)

* * *

Редакторъ и Цензоръ.

(Басня).

Редакторъ нѣкій напроказилъ:

„Съ душкомъ“ статью въ журналъ помѣстилъ.

Не знаю, самъ-ли онъ такой бѣдовый былъ,

Иль просто, можетъ быть, его читатель сглазилъ,

Но только онъ въ кутузку угодилъ...

А такъ какъ со свободой прессы

Литературные процессы

„Свободнѣй“ стали возникать,

И судъ не очень-то спѣшилъ ихъ разбирать,

То прежде, чѣмъ пошло къ разбору дѣло,

Душа покинула редакторское тѣло,

И онъ попалъ... конечно, прямо въ адъ.

— „Кого я вижу!.. Какъ я радъ!..

Вдругъ слышитъ мой редакторъ бѣдный...

Глядитъ,—взволнованный и блѣдный:

Въ большемъ кострѣ изъ корректуръ

Знакомый цензоръ—самодуръ

Надъ нимъ язвительно смѣется...

— „И вы къ намъ?“—говоритъ—„Чудесно! Въ добрый часъ!“

Ну, что тамъ, какъ у васъ?

Небось, не весело живется?

Чуть что,—поди, подъ судъ сейчасъ?

Эхъ, вы, писатели!.. Цѣнить насъ не умѣли...

Когда редакторы при насъ въ тюрьмѣ сидѣли?

Не мы-ль о васъ, какъ о себѣ, радѣли?

Не нашъ-ли красный карандашъ

Васъ охранялъ отъ „горькихъ чашъ“,

Отъ лишнихъ бѣдъ и тревоженій,

Обидъ, убытковъ и гоненій?

Но самъ я оставался далеко не спокойнымъ. Въ глазахъ подчиненныхъ, казалось, отражавшихъ лишь сугубую преданность, читалъ я, однако, какія то загадочныя мысли. И я невольно воображалъ себя счастливымъ банкометомъ, удачно схватившимъ въ одинъ пріемъ богатѣйшій кушъ. Но игра продолжалась... И я рисковалъ каждый мигъ вновь очутиться ни съ чѣмъ. Стоитъ лишь дрогнуть, потерять лишь присутствіе духа—и все вдругъ разсыпется въ прахъ!

И я рисковалъ. Ставка за ставкой увлекали меня туда, откуда нѣтъ ужъ навѣки возврата. А я продолжалъ все метать свой роковой банкъ...

* * *

И время подошло незамѣтно.

Ужъ успокоились страсти, и твердая рука властей далеко отодвинула назойливые вопросы прозябанія недовольныхъ. Отомщенные и разстроеныя, они изъявили покорность,—и государствен- ный руль вновь наладился по старому курсу...

И что-жъ? За трудный подвигъ нашъ, Неблагодарные, вы чѣмъ намъ отплатили? Вы насъ безъ совѣсти кляли и поносили,

Подъ судъ нерѣдко подводили

И, видя въ насъ причину всѣхъ невзгодъ,

Вы такъ на цензоровъ насѣли,

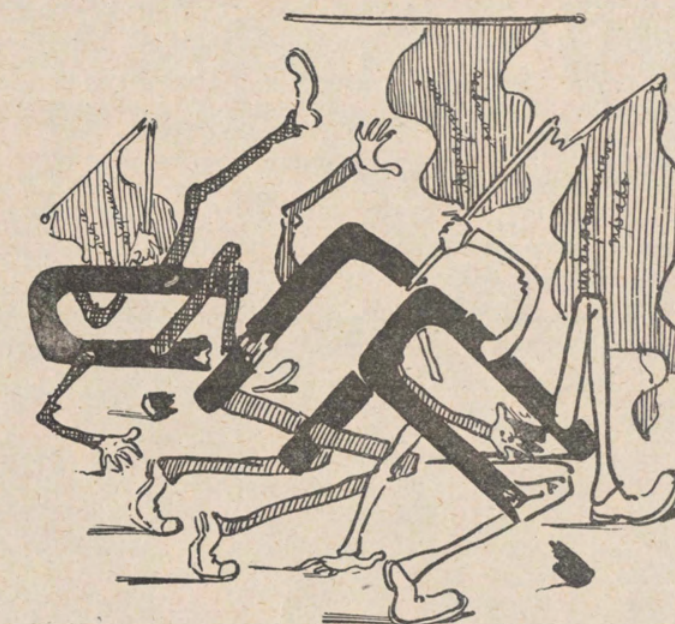
Что подъ конецъ добились цѣли...

Ну, что-жъ?.. Довольны-ль вы первѣйшей изъ „свободъ?“

Смущенный рѣчью громовою Стоялъ редакторъ мой, поникши головою, И ничего не отвѣчалъ...

Читатель, чтобы ты сказалъ?

Кай Цезарь.

И тутъ грозный призракъ всталъ неотступно предъ моими глазами!

И не въ видѣ смертоноснаго оружія пронесся онъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ, не орудіемъ разрушенія окончательно смутилъ онъ меня, ибо они мнѣ не могли быть страшны!..

Но явился онъ мнѣ въ видѣ—обыкновеннѣйшей... тачки!

И тяжелымъ кошмаромъ преслѣдовалъ онъ меня дни и ночи, не давая ни минуты покоя. И стоило нѣсколькимъ лицамъ приблизиться даже съ какимъ угодно выраженіемъ подобострастія, какъ я уже видѣлъ себя вывозимымъ на тачкѣ—при дружныхъ усиліяхъ и гомерическомъ хохотѣ всѣхъ униженныхъ и отомщенныхъ.

И, выброшенный изъ тачки энергичнымъ толчкомъ, тщетно сіяясь схватиться за что либо руками, летѣлъ я въ непроглядную бездну...

А время подошло незамѣтно...

Съ подлиннымъ вѣрно.

Z.

КОНСИЛУМЪ.

...Не дождаль онъ, не досыпаль онъ, въ потѣ лица трудился—и захирѣлъ, свалился съ ногъ, и тѣло его покрылось глубокими язвами.

Пошли охатъ и ахатъ родные, явились съ соболѣзнованіемъ знакомые, и укоризненно покачивали головами сосѣди.

— Знать, ухоть былъ неважный! изнурили бѣднягу... Ему-бъ полѣчиться да подкрѣпиться маленько!..

А тутъ и врачъ появился. Пошупаль больного, повелъ такъ носомъ и заговорилъ:

— Оно... ничего!.. Организмъ — выносливый!.. Смертельной опасности не предвидится... Вонъ тутъ вамъ въ бумажкѣ прописано!.. Всякій разъ — не больше одной чайной ложечки!.. А тамъ, дальше... посмотримъ!..

А больному все хуже да хуже. Ноютъ глубокия раны, сердце судорожно бьется, да и ѣсть смерть какъ хочется: не до лекарствъ, когда пусто въ желудкѣ!..

Снова охаютъ родные и близкіе, вновь укоризненно соболѣзнуютъ сосѣди.

— Пригласить-бы консилиумъ,—авось, болѣзнь-то раскусятъ!..

И собралось врачей видимо-невидимо. Окружили больного да и залопотали по своему. — а онъ только ушами хлопаетъ, глазами во всѣ сто-

роны въ неудоумѣніи водить, и страху лишь больше набирается.

— Гмъ... да... болѣзнь-то сильно запущена... И, главное: язвы!... Ихъ-бы немного почистить!

И старшій врачъ озабоченно поковырялъ инструментомъ въ ранахъ больного.

— А, по моему, такъ ампутація! Необходима сейчасъ-же ампутація!.. Если обратиться къ соответствующимъ литературнымъ источникамъ...

— Казалось-бы: всего важнѣй — антисептика!.. Пациентъ не имѣетъ представленія о примитивныхъ санитарныхъ условияхъ!.. Если-бы ему, да на первыхъ порахъ, пару необходимыхъ указаний...

— Но... если считаться съ внутреннимъ состояніемъ организма...

И между врачами завязался ученнѣйшій диспутъ о мѣрахъ, какія были-бы всего неотложнѣй!

А больной все больше слабѣлъ, и чайныя ложечки не возстановляли его надломленныхъ силъ.

— Поѣсть-бы, — шептали безкровныя губы, подкрѣпиться-бы вволю... и потомъ — подышать на свободѣ!.. Кажись, сразу возстановились-бы силы!..

А врачи ковыряли въ язвахъ, озабоченно спорили и обсуждали неотложныя мѣры...

Лѣтописецъ.

Наружное спокойствіе кругомъ...
Все замерло безъ возгласа, безъ шума...
Но тишина, нависшая угрюмо,
Не предъ грозой-ли съ бѣдственнымъ огнемъ?

* * *

Напряжены и умъ, и сердце снова...
Чего-то ждешь, тревогою объять...
О, не довольно-ль крови и утратъ?
О, не довольно-ль къ дикимъ распрямъ зова?

* * *

Пора забыть мечи и палаши
И укротить бушующія страсти!
Пора въ безумствѣ произволу власти
Быть палачемъ для тѣла и души!

* * *

Не лучше-ли и къ чуждымъ, и къ нечуждымъ
Прийти на зовъ, внимая ихъ мольбамъ?
И не грозитъ насильемъ бѣднякамъ,
А дать исходъ давно назрѣвшимъ нуждамъ?

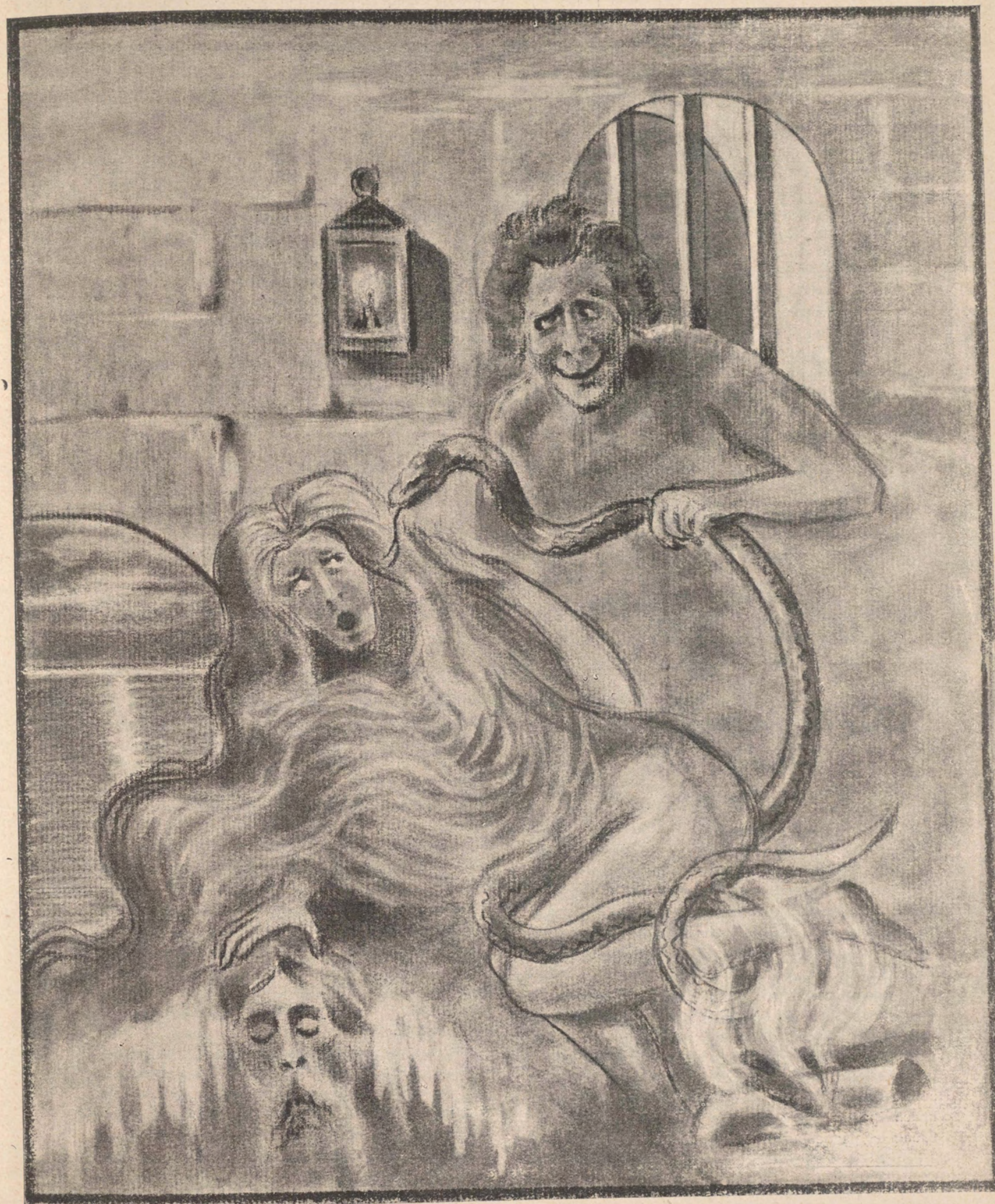
* * *

Тяжеле жизнь, тяжеле съ каждымъ днемъ
И съ каждымъ днемъ всѣ требованья больше!
Нельзя терпѣть, нельзя мириться дольше
Съ тѣмъ, что гнететъ убійственнымъ ярмомъ!

* * *

Надломаны подгнившіе устои,
И устарѣлъ осмѣянный режимъ!
И мы во тьмѣ надъ бездною стоимъ...
И не спасутъ насъ жалкіе герои!

Леонидъ Афанасьевъ.

Свобода.

Она была хороша, как херувимъ, как сиянье весеннего солнца, как чистая лазурь неаполитанского неба.

Она была вольна, как вѣтеръ на просторѣ морей, как мощный орелъ въ небесахъ, как человекъ въ своихъ злыхъ, а подчасъ и добрыхъ поступкахъ...

Ее звали — Свободой!..

И жалкій человекъ, пресмыкавшийся у ногъ ея и, погрязнувъ въ рабствѣ, не дерзавшій поднять на нее свои туманные взоры, — онъ рѣшительно задумалъ овладѣть ею!..

И уже лелѣялъ въ мечтахъ своихъ заковать ее въ цѣпи, надѣть ей тяжелыя путы — и, по собственному своему усмотрѣнію, пользоваться ея горячими ласками...

Такъ люди — привязанность всегда замѣняли насиліемъ, любовь — слѣпымъ правомъ захвата, а взаимность — пріобрѣтали мечомъ или золотомъ...

И напрягъ человекъ свои темныя силы, далеко, въ самые тайники сердца, запрягалъ иротестъ совѣсти, — и преступными руками порывался схватить онъ дѣвственный станъ своей богини — Свободы...

Но — возросшая на волѣ, какъ горный ключъ, чистая и божественно-цѣломудренная, — не смутилась Свобода предъ натискомъ злыхъ силъ человека.

И — лучезарная — поднялась она въ высь, какъ

прежде — обольстительная и многообѣщающая, — и только клочки ея одѣянія остались въ рукахъ человека, пытавшагося наложить на нее свои тяжелыя цѣпи.

И палъ онъ снова ницъ передъ ней, и взоры его потупились...

* * *

I.

Жизнь ропщетъ... Шумя, набѣгаетъ волна
Тяжелыхъ, какъ буря, тревожныхъ событий...
Не даромъ вздыхаетъ родная страна:
Связь съ прошлымъ, съ отжившимъ у ней порвана.
И новыхъ ни съ чѣмъ нѣтъ связующихъ нитей.
Грудь давить отчаянье горечью мукъ.
Что ждешь? Что тревожить въ безвѣстномъ грядущемъ?
Ночь тьмою все небо одѣла вокругъ,
И, бурей разбуженный въ сердцѣ, испугъ
Растетъ, все растетъ, какъ предъ бѣдствомъ сущимъ!

II.

И для ночи не тьма, и для утра не свѣтъ!
Ничего въ безутѣшномъ утѣшного нѣтъ!
Ни дорогъ не видать, ни путей не найти...
— О, скажите же, какъ и куда намъ идти?
Засосало болото насъ въ вязкую топь.
Видя гибель, невольно беретъ оторопь.
Трудно помощи ждать отъ безпомощныхъ рукъ!
Роковая пора! Безнадежный недугъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

Лекція профессора Н. *)

Лекція четвертая

VII. Какъ сдѣлаться губернаторомъ?

Не слѣдуетъ думать, что подъ губернаторомъ разумѣется непременно лицо, управляющее губерніей. Въ доброе старое время губерніей управляла обыкновенно губернаторша... Губернатору же предоставлялось говорить внушительнымъ басомъ, посѣщать „благородку“ и заказывать фермуары для тайныхъ поднесеній заѣзжимъ артистамъ...

Впоследствии, съ развитіемъ дѣятельности Краснаго Креста въ губернскихъ городахъ, всѣ производительныя силы губернаторши ушли въ благотворительность, а управление губерніей перешло цѣликомъ въ руки урядниковъ, приставовъ и земскихъ начальниковъ. Губернаторъ же носилъ красные лямпасы, принималъ праздничныя поздравленія и, на основаніи конфиденціальныхъ и рас-

пре-конфиденціальныхъ циркуляровъ, велъ безконечные списки политически-неблагонадежныхъ въ губерніи.

Но — времена мѣняются, и съ ними мѣняются даже и — губернаторы!..

Отечество очутилось въ опасности... Списки приходилось вести уже „благонадежныхъ“ — и то, разыскивая ихъ днемъ со свѣчою (неблагонадежныхъ продолжали *разыскивать* ночью)... И губернаторы оказались на высотѣ своего призванія, строго, однако, обнаруживая индивидуальность своей собственной личности.

И въ то время, какъ одинъ, подобно Нерону, любовался кострами изъ человѣческихъ тѣлъ, — другой избралъ спеціальностью „погромныхъ дѣлъ“ мастерство, а третій успѣшно устраивалъ иродово избіеніе младенцевъ.

Но въ каждомъ изъ остальныхъ губернаторовъ необъятной отчизны непременно сочетались, въ той или иной пропорціи, тѣ основныя достоинства, какими блистательно проявили себя приведенные индивиды за время своего губернаторствованія...

Изъ вышесказаннаго ясно, какими данными слѣдуетъ обладать, чтобы *служить* губернаторомъ...

*) См. „Сѣкира“ №№ 2, 3 и 4.

Товарищъ.

Товарищъ мой былъ „честныхъ правилъ“,
Прямой, безъ задняго ума,
Душою чистой не лукавилъ
И былъ правдивость онъ сама.
И вотъ онъ разъ на митингъ шумный
Попалъ нечаянно впервой.
Какой-то риторъ вольнодумный
Передъ огромною толпой
О братствѣ вѣчномъ распинался,
Взывалъ къ свободѣ для людей,
И громъ металлъ, и повторялся —
И глотки не жалѣлъ своей.
„Позоръ, кто вправо курсъ направилъ, —
Лилась свободно рѣчь его, —
Навѣкъ себя тотъ обезславилъ!..
Но вижу лѣвыхъ торжество!
Но вижу: пали рабства звенья, —
И водворилась навсегда
Любовь и правда, всепрощенье
И день свободного труда!..“

Товарищъ слушалъ... И невольно
Онъ перенесся въ міръ иной,
Гдѣ людямъ дышется привольно
И гдѣ юдоли нѣтъ земной.
„Туда, туда, — уста шептали, —
Туда, въ тотъ благодатный край,
Гдѣ нѣтъ ни злобы, ни печали,
И на землѣ — небесный рай...“
И сталъ товарищъ сразу „лѣвымъ“...

Онъ жизнь идеѣ посвятилъ
И всѣ рабочіе напѣвы
На память твердо изучилъ.
Потомъ ходилъ онъ гдѣ-то съ флагомъ,
Съ трибуны рѣчь произносилъ, —
И, подвигаясь шагъ за шагомъ,
Въ тюрьму неожиданно угодилъ!..
Здѣсь сразу кончились „свободы“...
И рай прекрасный, рай земной
Смѣнили горе и невзгоды
И гнетъ неволи вѣковой...

Братецъ.

СРОЧНЫЯ ТЕЛЕГРАММЫ

„Сѣкиры“

(Отъ специальныхъ корреспондентовъ).

Митава. Тишь и гладь, но безъ благодати.

Гомель. Городъ охваченъ патріотическимъ „шумомъ“.

Одесса. Положеніе хуже губернаторскаго: положеніе — генераль-губернаторское.

Кіевъ. Воспрещена розничная продажа на улицахъ войлочныхъ стелекъ, такъ какъ на нихъ обнаружено „печатное слово“.

Кутаисъ. Абсолютная тишина.

Ревель. Внѣшне спокойно.

Москва. По ночамъ тихо.

Лондонъ. Лордъ Китченеръ, „укротитель“ бурь, по слухамъ, хлопочетъ о поступленіи на русскую службу.

Что же касается образовательнаго ценза, требуемаго при исполненіи губернаторскихъ функций, то онъ весь исчерпывается тремя губернаторско-азбучными терминами:

Охрана усиленная, чрезвычайная и — военное положеніе!..

VIII. Какъ сдѣлаться градо-начальникомъ?

Не только люди, но и цѣлые города имѣютъ свою особую судьбу — и на этотъ разъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе счастливой фортуной могутъ похвастать тѣ изъ русскіихъ городовъ, которые, не въ примѣръ прочимъ, управляются градо-начальниками.

По древнему русскому обычаю, когда люди призывались изъ-за моря, для „володѣнія Русью“, — нашимъ градоправителямъ вовсе чужда кровь русскихъ людей. Но сіе отнюдь не мѣшаетъ имъ быть сверхъ-патріотами (см. списки „истинно-русскихъ“ людей — съ Карлами-Амаліями и проч. во главѣ).

И дѣятельность ихъ говоритъ сама за себя.

Одни, напримѣръ, на цѣлые дни предоставляють весь городъ въ распоряженіе гражданъ, съ

предложеніемъ брать себѣ все, что угодно, до жизни сосѣда включительно... Другіе устраиваютъ военныя игры на улицахъ, причемъ одной изъ сторонъ является безоружный народъ; — третьи.. но, въ общемъ, они удивительно другъ на друга похожи!

За то имена ихъ увѣковѣчены міромъ, а сами они скоро попадутъ и въ сенатъ, — правда, пока лишь для дачи нѣкоторыхъ показаній объ интенсивности своей прошлой административно-исполнительной дѣятельности... А отсюда они смогутъ попасть ужъ и дальше...

Чтобы сдѣлаться градоначальникомъ, слѣдуетъ твердо усвоить себѣ ту исходную точку дѣятельности, что вся Россія существуетъ и дышетъ для ограниченной кучки людей, величающихъ себя „администраторами“, а въ животѣ и смерти обывателей даннаго города, безотвѣтственно и безотчетно, воленъ поставленный во главѣ его — все-сильный градо-начальникъ!..

Завѣдующій курсами

профессоръ Н.

Благовѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Какъ такъ?

Прямой отвѣтъ на всѣ вопросы,
Что въ Петербургѣ папиросы
Десертъ съ Каиромъ бьютъ рекордъ
10 шт. 6 к. 20 шт. 6 к.
И это такъ въ finale accord!!
ДЯДЯ МИХЕЙ.

Папиросы фирмы „А. Ж. Шапошниковъ“.

Отъ конторы „СЪКИРЫ“.

Номера „СЪКИРЫ“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежомъ лишь по полученіи задаточной суммы, въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный номеръ высылается за двѣ 7-ми копѣечныя марки.

Отъ редакціи. Литературный и художественный матеріалъ, присылаемый въ редакцію, долженъ быть съ обозначеніемъ имени, фамиліи и адреса автора, а также и условій гонорара, безъ чего матеріалъ оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются.

Редакторъ для личныхъ переговоровъ принимаетъ ежедневно отъ 10 до 12 час. дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

на еженедѣльный, литературно-сатирический,
обоюдоострый и правдивый журналъ

„СЪКИРА“

№ 1 разошелся весь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ № 2.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 12 мѣс. 4 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Объявленія за строку непарели въ
1/3 страницы 50 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, 4-я Рождественская ул., № 14.